

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ МОРСКОГО КОМИССАРИАТА

Главная Водно-Морская Научная Редакция.

Б. Я. ЖЕНЕВЕ.

МОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ НАПОЛЕОНА.

(Критико-стратегический очерк).

ПЕТРОГРАД.

Типография Морского Комиссариата, в Главном Адмиралтействе.
1922.

МОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ НАПОЛЕОНА¹⁾.

Эпоха войн французской революции и империи представляет богатый и далеко еще неисчерпанный материал для изучения военной науки. Этот материал в значительной части не утратил своего важного значения до настоящего времени, несмотря на большие войны, происшедшие во второй половине XIX века и первой части XX века. Многие события Мировой войны могут оаться непонятными, и выводы, которые мы могли бы сделать из их изучения, будут односторонними, если мы предварительно не сопоставим эти события с аналогичными фактами из войны революции и империи.

К числу интереснейших и важнейших, по своему, не только научному, но чисто практическому значению, проблем, которые оставила нам для изучения Мировая война, относится вопрос о значении и роли, которую сыграла в этой войне морская сила. Нам слишком еще памятны грандиозные операции и величественные бои на сухопутных театрах, наполнившие своим громом четыре года войны, ошеломляющие нас масштабами участвовавших в них сил и средств, протяженностью театров и полей сражения, гекатомбами своих жертв и... несоразмерно малыми непосредственными результатами: до последних дней войны противники на западном фронте занимали почти те же линии, на которых они оказались после первого маневренного, продолжавшегося всего три месяца, периода. Восточный фронт перестал существовать за 8 месяцев до конца войны, но не вследствие военного разгрома одного из противников, а вследствие стихийного разложения старой русской армии, не соответствовавшей более, по своему духу и структуре, настроению и позунгам охваченного революционной бурей русского трудового народа.

На морских театрах мы наблюдаем еще более необычную, для старых наших представлений о войне, картину: за все время Мировой войны главные силы противников только раз встретились лицом к лицу; произошедший между ними бой имел характер перешейтельной перестрелки на дальних дистанциях; несмотря на почти двойное преимущество в сп-

лах британского флота,—противники разошлись по своим базам, не нанеся друг другу существенного поражения. Остальное время войны на морских театрах поражала отсутствием операций больших флотов, которые оставались в своих базах; изредка картина оживлялась стычками крейсеров и миноносцев. Последние два года войны внимание всего мира было приковано к оригинальной, не имевшей до этого предшественников в истории военно-морского искусства, борьбе вспомогательных сил британского и союзных с ним флотов с германскими подводными лодками, пытавшимися планомерно и с громадной энергией прервать сообщение британских островов с внешним миром, и таким путем задушить главного противника Германии. Но пока определялся результат этой борьбы, пока весы в ней склонялись все более и более на сторону союзных надводных сил и средств,—молчавая, почти невидимая в своих боевых проявлениях, мощь британского флота медленно, но неуклонно, вела к концу свое грозное дело: схватив за горло германский народ, она его душила, отрезав его от океана, закрыв доступ в его порты продовольствию и необходимому для германской промышленности сырью.

Великолепный военный механизм Германии, ее несравненная, мощная сухопутная сила,—были сломлены не атакой ее противников на фронте боевых действий, но—истощением ее тыла, задушенного четырехлетней блокадой германских берегов британским флотом. Активный боевой дух нашей военной мысли не может легко примириться с таким, казалось бы, не-военным решением величайшего в истории человечества столкновения двух могущественных коалиций, вооруженных всей мощью современных средств борьбы, какие только могли быть созданы соединенными усилиями промышленности, техники и науки и накоплены великими державами, готовившимися в течение долгих лет к решительной борьбе за мировое господство. Нам хочется найти подтверждение привычному основному духу нашей военной доктрины в громадных сражениях на сухопутных театрах: мы пытливо ищем на полях Шампани и Фландрии признаков уничтожения живой силы противника и... не находим их; равным образом мы не видим этих признаков и на берегах Зап. Двина и Березины. И здесь, и там—живая сила побежденного врага была разгромлена не с фронта, но с тыла. В одном случае молчавшая магия морской силы, в другой—революционная стихия, — в корне подкосили боевую мощь противника.

Привычная военная мысль могла бы заставить нас усомниться в обективности такого вывода, признать его односторонним,—если бы мы не имели возможности подкрепить его аналогичным исходом другой великой борьбы, которую

в течение двадцати лет вела Великобритания против французской революции и империи.

Вот почему я считаю тему настоящего критического очерка имеющей для настоящего времени интерес не только академический, как освещающую одну из интересных и мало известную широким кругам сторону военного творчества Наполеона, но и чисто практический интерес: на примере борьбы между величайшим военным гением и британским народом мы можем почертнуть полезные выводы для будущего; оно чревато большими военными бурями, через которые, возможно, придется пройти еще русскому народу.

Как известно, Англия относилась вначале вполне сочувственно к начавшейся во Франции революции. В ней она усматривала, с одной стороны, благоприятные для себя симптомы ослабления, если не уничтожения, агрессивного духа внешней и колониальной политики французских королей; с другой стороны, внутренняя политическая идеология англо-саксов побуждала их сочувственно смотреть на начавшуюся борьбу французского народа с абсолютизмом королевской власти и сословными привилегиями дворянства. Скоро, однако, выявился подлинный дух французской революции. Арест короля, сентябрьские убийства и, наконец, свержение короля и провозглашение республики не поколебали еще решения английского правительства сохранять свой нейтралитет, хотя и произвели переворот в общественном мнении Великобритании, оттолкнув от революции ее друзей и ожесточив ее врагов. Не повела к обострению официальных отношений между обоими государствами и война, об咧вленная Францией Пруссии и Австрии, которые своим вызывающим образом действий вполне оправдывали этот акт французского правительства.

Но, уже в ноябре 1792 г., в первые дни перехода государственной власти к Конвенту,—последним была обнародована декларация, обещавшая братство и поддержку всем народам, которые пожелают вернуть себе свободу, отнятую от них их правительствами. Последующие акты Конвента и занятие французскими войсками австрийских Нидерландов,— явно выразили агрессивно наступательный дух французской революции, угрожавшей, с одной стороны, существенным британским интересам на материке, а, с другой стороны, возбуждавшей революционные вспышки в Голландии, и отчасти, в самой Англии. Казнь короля и последовавший за этим террор во Франции дали, основание британскому правительству принять непосредственное и деятельное участие в образовавшейся против революционного французского народа могущественной коалиции из Англии, Австрии, Пруссии, Неаполитанского королевства и Испании.

С этих пор, т. е., с 24 января 1793 г., с недолгим перерывом (с 27 марта 1802 г. по 10 мая 1803 г.), — Англия не прерывно находилась в состоянии войны с Францией, являясь душой всех создавшихся против нее коалиций. Целями этой борьбы, со стороны Англии, явились: сокрушение агрессивного духа внешней французской политики на континенте, уничтожение морской силы Франции и овладение ее заокеанскими колониями. Признавая Англию своим главным врагом, Франция неоднократно делала попытки поразить этого главного своего врага в центре его могущества, т. е., на его собственной территории, но для этого требовалось перекинуть французскую армию с континента на британские острова, в то время, как на море господствовала британская морская сила.

Французский флот, представлявший при Людовике XVI внушительную и хорошо организованную боевую силу, болезненно переживал революционные события. Значительная часть его командного состава эмигрировала; большая часть некомандного состава рассеялась по стране, приняв участие в ее политической жизни. Занятое героической борьбой с внешними и внутренними врагами, революционное правительство Франции не имело ни возможности, ни достаточных военно-морских знаний для поддержания боеспособности ее морской силы. Когда началась борьба с Англией, поредевшие ряды флота вскоре были укомплектованы преданными революции коммерческими моряками, рыбаками и береговыми жителями; революционный энтузиазм этих новых для флота людей не мог, однако, восполнить недостающих им знаний и опыта в военно-морском искусстве. Правительства Конвента и Директории, не имевшие в своем составе знающих и опытных военных моряков, не понимали, что быстрое и успешное создание мощной революционной армии не даст еще оснований надеяться на такие же результаты в отношении морской силы — в особенности в отношении ее личного состава, создание которого требует длительной подготовки, преемственности в приобретении и передаче опыта, твердо поставленной и отлично организованной морской школы. Реквизиционная система ведения войны на сухопутном театре не только восполняла недостатки хозяйственной организации военного ведомства, но дала большое стратегическое преимущество французской революционной армии, сообщив ей такую маневренную способность, которой не обладали европейские армии той эпохи, привязанные к своим магазинам. Но морская сила по-прежнему нуждалась в правильном и хорошо налаженном хозяйстве портов с их ремонтными мастерскими и складами, — на что революционное правительство не обратило достаточно серьезное внимание. Наполненные в королевские времена

всевозможными, необходимыми для флота, материалами и запасами, портовые склады в самом скором времени опустели, вследствие, с одной стороны, прекращения правильного и систематичного их пополнения и, с другой стороны, — вследствие не-экономного их расходования. Ремонтные мастерские лишились лучших своих инженеров, мастеров и указателей; материальное их оборудование, оставшееся без надлежащего ухода и ремонта, неудержимо и быстро разрушалось. Великолепные, лучшие в мире по своим чертежам и постройке, корабли французского флота не выходили больше в море для практики своих команд и, оставаясь в гаванях, также постепенно приходили в полное расстройство. Контрреволюционное движение на юге Франции отдало в 1793 г. главный французский военный порт на Средиземноморском побережье — Тулон — в распоряжение союзного англо-испанского флота. Английское морское командование не преминуло использовать этот счастливый для него случай в своих интересах и, при эвакуации Тулона, под натиском французских революционных войск, сожгло 9 французских линейных кораблей, 5 фрегатов и увело с собой 4 линейных корабля и 15 фрегатов и корветов. Французам осталось всего 14 кораблей и 7 фрегатов, в значительно неисправном состоянии. Атлантический французский флот, базировавшийся, главным образом, на Брест, нес большие потери при выполнении своих операций, и нестолько от боевых столкновений с противником, сколько вследствие малопродуманных планов этих операций, а также от штормов и плохого управления кораблями. Таким образом, при расстроенном состоянии кораблей и портов, французский флот, кроме того, значительно уменьшился за время революции в своем судовом составе.

Понимавший лучше большинства своих современников значение морской силы для Франции, в ее бесконечной борьбе с коалициями, создаваемыми и поддерживаемыми Англией, — Наполеон затратил за время консульства и империи громадные усилия и средства на воссоздание грозного военного флота. Благодаря своей железной воле и энергии, ему удалось в значительной степени воссоздать к 1805 г. материальную часть флота, но личный его состав, в особенности это касалось высшего командного состава, все время оставлял желать лучшего. Задуманные Наполеоном стратегические операции на океане расстраивались, вследствие малой энергии и отсутствия военных талантов у его адмиралов, а боевые столкновения с британским флотом заканчивались решительными поражениями французских эскадр, благодаря плохому тактическому их искусству и отсутствию взаимной поддержки между отдельными их частями.

Отдельные французские корабли неизменно сражались со своим злейшим врагом с высшей доблестью и отчаянной

храбростью; но отсутствие выручки и плохое искусство управления кораблем делало их жертвами более организованных и искусных в морском деле противников.

Таково было состояние французской морской силы, когда Наполеон, взял в свои руки управление Францией и ее вооруженными силами, обратил главное свое внимание на борьбу с Великобританией.

Я не буду последовательно и подробно излагать всю историю грандиозной 15-ти летней борьбы, которую вел гениальный французский император с британским народом; задачей моей является лишь выяснить характерные черты его морской стратегии, что я и постараюсь выполнить на рассмотрении, главным образом, двух наиболее крупных морских стратегических операций, задуманных и руководимых Наполеоном, а именно: Египетской экспедиции (1798 г.) и Булонской операции (1805 г.).

Взгляды Наполеона на сущность морской войны не оставались неизменными в течение всей его карьеры: скорее их можно назвать неустойчивыми. Часто они менялись под влиянием событий; иногда на них оказывала сильное влияние страстная непреклонность к Англии,—своему главному непримиримому врагу. Эти взгляды лучше всего выясняются из оставшейся после него, обширнейшей переписки, выдержками из которой я и буду часто пользоваться в дальнейшем изложении. Еще в 1795 г., получив назначение командующим Итальянской армии, Бонапарт настойчиво возражал против излюбленного Комитетом Общественной Безопасности проекта о высадке экспедиционной армии в наше государство,—если предварительно не будет обеспечено за французским флотом обладание морем. В 1797 г., уже прославленный своими громкими победами в Италии, Бонапарт настаивал перед Директорией на представлении побежденной Австрии, Сардинскому королевству и Венецианской республике требований, обеспечивающих французскому флоту господствующее в Средиземном море положение.

„Владеть С. Петро, Корфу и Мальтой“,—писал он,—„мы будем хозяевами всего Средиземного моря. Острова Корфу, Занте и Кефалония имеют для нас большее значение, чем вся Италия. Если бы нам пришлось выбирать, то лучше было бы возвратить Италию императору и удержать за собой эти четыре острова. Турецкая Империя разрушается с каждым днем. Обладание этими четырьмя островами даст нам возможность или поддержать ее или захватить от нее свою долю. Недалеко то время, когда мы убедимся, что для того, чтобы действительно уничтожить Англию, нам надо овладеть Египтом. Обширная Оттоманская империя, которая приближается к гибели с каждым днем, напагает на нас обязанность принять меры к охране нашей торговли в Леванте.

„Если при заключении мира нам придется согласиться на уступку мыса Доброй Надежды Англии, то нам следует захватить Египет.... Мы могли бы отправиться туда с 25.000, под конвоем 10 кораблей и овладеть им. Я желал бы, гражданин министр, чтобы Вы навели справки о том, какое впечатление произвела бы на Порту наша экспедиция в Египет“.

В этот же период мирных переговоров с Австрией, Бонапарт, в качестве Главнокомандующего Итальянской армией, пишет следующую инструкцию Казимиру Шерье:

„Прибыв в Венецию, Вы, в сопровождении начальника сухопутных сил и посланника, явитесь к Временному Правительству. Вы ему скажите, что согласие в принципах, существующее между Французской и Венецианской республиками, и покровительство, которое мы им оказываем, требуют быстрого снаряжения флота для помощи нам в обеспечении господства в Адриатическом море и на островах его. Скажите, что для этой цели я и послал войска на Корфу для удержания его за Венецианской республикой, и что отныне ей необходимо деятельно работать над приведением своего флота в хорошее состояние.“

„Под этим предлогом Вы приберете все к своим рукам, постоянно проповедуя на словах единство обеих республик и всегда называя ее флот венецианским флотом... Я намериваюсь захватить для французской республики все венецианские корабли и всевозможные припасы для Тулона“.

17 ноября 1797 г. Бонапарт подписал с австрийскими уполномоченным Кампоформийским договором, по которому Венеция вошла в состав Цизальпинской республики, ее владения на материке были поделены между Австрией и Францией, причем последняя получила остров Корфу и соседние с ним острова. Бельгия также отошла к Франции. Таким образом, требования Бонапарта, считавшиеся им необходимыми для подготовки наилучшей позиции для будущей борьбы с Великобританией, были достигнуты им в полной мере. В то же время Франция получила свободу действий и распоряжений всеми своими силами и ресурсами в борьбе против Англии, утратившей своих союзников на материке. Выяснив выгодность заключенного им мирного договора, Бонапарт пишет:

— Если Цизальпинская республика имеет лучшую военную границу в Европе; если Франция приобретает Майнц и Рейн; если она в Леванте владеет превосходно укрепленным о. Корфу и другими островами,—то чего же более Вам желать? Не разброски же сил для того, чтобы Англия могла продолжать отнимать владения от нас, от Испании, от Голландии; или еще не дальнейшей ли отсрочкой восстановления нашей торговли и нашего флота?.... Наше правительство должно или уничтожить английскую монархию, или

дождаться собственного низвержения подкупами и интригами этих деятельных островитян. Настоящий момент дает нам возможность вести выгодную игру. Сосредоточим же всю нашу деятельность на флоте и уничтожим Англию. Раз это сделано—вся Европа у наших ног⁴.

По заключении мира с Австрией, Бонапарт был назначен, в декабре 1797 года, главнокомандующим армией, предназначеннной для действий против Англии. В переписке, за этот период, имеются многочисленные его распоряжения Верхове и начальникам частей армии, по сосредоточению войск из Италии к Английскому Каналу; адмиралу Брюэсу, командовавшему отрядом судов у о. Корфу, было предписано итти в Брест. Но уже в феврале 1798 года Бонапарт пишет Директории:

— Нам все-таки и через много лет не удастся приобрести господство на морях. Высадка же десанта в Англии, без обеспечения обладания морем, была бы операцией самой смелой и самой трудной из всех, когда либо предпринимавшихся.

Приготовления в Бресте и Булони продолжались (посылка инженеров для осмотра фортов и пр.), но, повидимому, в это время они уже имеют демонстративную цель. В конце февраля Бонапарт посыпает в Тулон распоряжение не только не отправлять из этого порта ничего в Брест, но, наоборот, собрать в нем все крейсеровавшие в Средиземном море корабли. В марте, по об'езде Булонского побережья, Бонапарт отправляет Директории письмо, содержащее в себе ряд невыполнимых требований, без которых, по его мнению, высадка в Англию будет немыслима; в заключение он пишет:

— Существует только три способа нанести поражение Англии: во первых, прямое вторжение в ее пределы, во вторых, нападение на Ганновер и Гамбург, как континентальные центры ее торговли, и в третьих,— экспедиция в Левант.

Наконец, 6-го марта Бонапарт представляет Правительству записку, содержащую уже соображения о приготовлениях к экспедиции, имеющей целью завоевание Египта и Мальты.

Ни обширная переписка Наполеона, ни многочисленные, посвященные его жизни и деятельности исследования,—не позволяют нам, с исчерпывающей достоверностью, установить, кому принадлежит инициатива замысла Египетской экспедиции. В приведенных выше выдержках из его переписки мы видели, что в сентябре 1797 года он писал Директории: „для того, чтобы действительно уничтожить Англию, нам надо овладеть Египтом⁴. Тогда же, в письме к военному министру, он определяет численность экспеди-

ционной армии и морского конвоя, с которыми он мог бы выполнить эту операцию. С другой стороны, необходимо помнить, что Египет, занимающий господствующее положение на кратчайшем пути сношений между Европой и Азией, еще со времени крестовых походов, неоднократно являлся предметом замыслов французской политики. Людовик IX, разрабатывая план 4-го крестового похода, решил начать его с завоевания Египта, мечтая основать новое французское государство на руинах господства египетских халифов; далее, из Египта он предполагал завоевать Сирию и создать, таким образом, новое поприще для честолюбия и властолюбия феодальной аристократии, которая была для него опасна во Франции, и, в то же время, открыть широкую область для развивающейся французской торговли. Египетская экспедиция Людовика IX кончилась не удачно, при чем он сам сделался жертвой ее от непривычных климатических условий. В XIV веке французский мыслитель Пьер Дюбуа снова воскрешает мечту Людовика IX и выступает перед Филиппом Красивым с проектом завоевания Египта, под предлогом нового крестового похода. В XVII столетии германский философ Лейбниц пытался отвлечь Людовика XIV от Германии, выставляя ему на вид блестящие выгоды того же предприятия. В 1768 году Аржансон советовал прорыть Суэцкий канал. Министр Людовика XV, граф Шуазель, также разрабатывал проект завоевания Египта. Французская революция, сиравившись с внутренней контр-революцией и отразив иностранное вторжение, перешла к внешней агрессивной политике, заняв левый берег Рейна, Бельгию и Северную Италию. Уже эти первые ее приобретения показывают, что, ведя борьбу с Европой под совершенно другими лозунгами, чем французские короли, она, по существу, преемственно продолжала их внешнюю политику. Естественно, что, как только обнаружился агрессивный преемственно-старый дух этой внешней политики, французскому революционному правительству пришлось столкнуться и вступить в упорную борьбу с Англией,—с тем же старым врагом, с которым в течение двухсот лет боролась королевская Франция. Естественно также, что мысль о завоевании Египта, как о промежуточном звене в общем плане борьбы с Англией за мировое господство, могла явиться у французского революционного правительства. Еще летом 1797 года, т. е. до тех писем Бонапарта, выдержки из которых мы выше приводили, Директория разрабатывала проект овладения Мальтой и отторжения от Турции Египта. Возможно даже, что Бонапарт, находясь еще в Италии и выступая со своим проектом Египетской экспедиции, был осведомлен, через своих влиятельных парижских друзей, о планах Директории. Несомненно, что по заключении мира с Австрией, когда

руки Франции были развязаны на континенте и мысли ее правительства были обращены на продолжавшуюся борьбу с Англией,—идея Египетской экспедиции не была отброшена Директорией. Позволительно сильно сомневаться, что Бонапарт верил в это время в возможность высадки его армии в Англию,—приготовления к чему шли в это время с таким шумом на Атлантическом побережье Франции. Ниже мы увидим, какой громадный масштаб пришла подготовка к подобной экспедиции в 1804 г., когда Наполеон действительно серьезно остановился на этой идее, как единственном средстве нанести решительный удар своему главному врагу. Но в зиму 1797—98 г.г., когда в Канале были сосредоточены подавляющие силы британского флота, а французская морская сила находилась еще в совершенно расстроенном состоянии, риск такой, по существу совершенно безнадежной, экспедиции не мог входить в расчеты Бонапарта, бывшего тогда уже самым популярным генералом в республике, питавшим в себе широкие честолюбивые замыслы. Вернее предположить, что, занимая пост главнокомандующего всеми вооруженными силами Франции, которая в это время никакой другой войны не вели,—он пользовался этим положением в своих целях, чтобы соответственно влиять на правительство. Политическая обстановка, как внешняя, так и внутри Франции, складывалась в эту зиму весьма сложно и представлялась для осведомленных людей чреватой большими событиями: на континенте назревала в это время, благодаря проискам Англии и бесцеремонным действиям французского правительства в Италии, Швейцарии и Нидерландах, новая грозная коалиция из Австрии и России; внутреннее положение Директории было весьма непрочно и члены ее естественно опасались молодого, популярного, решительного и честолюбивого генерала, уже зарекомендовавшего себя 13 Вандемьера 1795 г. С другой стороны, и сам Бонапарт не считал сложившуюся в это время обстановку благоприятной для осуществления своих честолюбивых замыслов, а подозрение, с которым к нему стали относиться правительственные круги, могло и ему вну什ить желание сойти на некоторое время, впрядь до выяснения обстановки, с политической арены, используя это время для новых громких военных успехов, которые еще более укрепили бы его популярность во Франции. Немалую долю в решении Бонапарта предпринять на Египетскую экспедицию играла несомненная склонность его к восточному романтизму; его авантюристическую натуре увлекали мечты о воссоздании великой восточной империи Александра Македонского. Брату своему, Иосифу, Бонапарт в следующих словах, в это время, объяснил свои планы:

— Я отправляюсь на Восток, обеспечив себя по возможности средствами к достижению успеха. Если Франция будет во мне нуждаться,—если число людей, думающих одинаково с Талейраном, Сиейсом и Редерером, возрастет,—если возгорится война, в которой Франция потерпит неудачу,—тогда я вернусь, более чем теперь уверенный, что на моей стороне окажется общественное мнение. Если же, напротив того, республика будет воевать успешно,—если у нея найдется генерал, знающий толк в политике и способный сосредоточить на себе лично надежды французского народа,—ну, что ж! В таком случае мне все же, быть может, удастся на Востоке оказать сравнительно еще большие услуги, чем ему¹⁾.

Экспедиция была решена, повидимому, в марте; с этого времени приготовления к ней пошли самым полным ходом. В состав экспедиции было назначено 24.000 пехоты, 4.000 кавалеристов при 300 лошадях (остальных предполагалось приобрести в Египте), 16 рот артиллерии, саперные вспомогательные части,—всего 32.000 человек, для перевозки которых было назначено 310 транспортов, с общим водоизмещением 47.300 тонн. Транспорты эти сосредоточились в Средиземноморских портах, принадлежавших в то время Франции: Марсели, Тулоне, Генуе, Чивита-Векия и на острове Корсике. Для конвоирования экспедиции предназначалась сосредоточенная в Тулоне эскадра адмирала Брюэсса, состоявшая из 13 линейных кораблей, 6 фрегатов и 35 мелких и вспомогательных судов.

Сознавая громадный риск встречи экспедиции в море с английским флотом, Бонапарт принял все меры, к тому, чтобы ввести в заблуждение англичан относительно истинной цели экспедиции. В общество нарочно были пущены слухи о том, что в Тулоне готовится экспедиция в Ирландию, имеющая своей целью облегчить главную операцию,—высадку в Англию, приготовления к которой продолжались на берегах Атлантического океана. Некоторые приготовления в Италии позволяли думать, что объектом экспедиции явится Неаполитанское королевство. Срочные работы по устройству базы на Корфу для большого флота давали повод предполагать, что экспедиция направится к берегам Албании, географическое положение которой благоприятствовало устройству из нея операционной базы и для действий против Австрии, и для операций, направленных против Османской империи. Истинная цель экспедиции держалась в такой тайне, что, например, командир Тулонского порта, после уже отбытия экспедиции, писал морскому министру:

¹⁾ Слоон—Жизнеописание Наполеона I, т. I, стр. 384.

— Я знаю о назначении эскадры не более, чем знал бы, если бы она не принадлежала республике.

Не надеясь на успешную борьбу конвоировавшей его эскадры с британским флотом, Бонапарт весь успех своей экспедиции построил на попытке пройти Средиземное море, отделяющее берега Франции от Мальты и Египта, незамеченным английским флотом. Кроме тайны и демонстраций, которыми обставлено было приготовление к экспедиции,— Бонапарт мог еще расчитывать, в числе благоприятных факторов для успеха своего предприятия, на известную ему дислокацию британских морских сил.

Главные силы английского флота были в это время сосредоточены в Канале и Атлантическом океане. Ни одна британская эскадра в течение 1797 г. не входила в Средиземное море. Со времени вступления Испании в союз с Францией (1796 г.) и с включением в политическую систему последней Голландии (1794 г.)— Великобритания считала себя в положении державы, борющейся за свое существование. Сосредоточение испанского флота в Кадиксе, большей части французского в Бресте и голландского— в Текселе образовывало как бы гигантский морской фронт, угрожающе охватывавший британские острова. Слабые боевые качества этих союзных флотов возмещались их количеством; английское правительство и народ опасались и вторжения своих противников в Ирландию или Англию, и действий враждебных ей эскадр на ее торговых путях и в колониях. Такой, например, сдержанный человек, как адмирал Коллингвуд писал (28 января 1798 г.): „Вопрос не только в том, кто останется победителем... Но сохраним ли мы еще самостоятельность; суждено ли еще Великобритании числится вредь в списке европейских держав“? Эти стратегические обстоятельства, в связи с производившимися на атлантическом побережье Франции приготовлениями к десантской экспедиции,— вызвали сосредоточение, с 1796 г., всех британских морских сил в Атлантическом океане. Средиземноморская английская эскадра под командой выдающегося адмирала Джервиса, блокировала Кадикс; остальные силы британского флота были распределены перед Брестом, в Канале и Северном море.

Начавшиеся, в марте 1798 г., приготовления к экспедиции неизвестного назначения в Тулоне и других французских портах Средиземного моря встревожили, однако, английское правительство и командование и повели к изменению дислокации британских морских сил. Командующий средиземноморской эскадрой, адмирал Джервис, на свой страх, ослабил свои силы и 2 мая выслал, под командой Нельсона, отряд из 3 кораблей и 2 фрегатов к Тулону, для наблюдения за французским флотом. В тот же день из

Лондона была отправлена Джервису секретная депеша, извещавшая его об отправлении к нему сильных подкреплений, по прибытии которых ему предписывалось немедленно отделить эскадру в составе 12 кораблей и соответствующего числа фрегатов. Командование этой эскадрой поручалось Нельсону, и ему ставилась задача— перехватить Тулонский флот, который, по предположениям английского адмиралтейства, мог иметь своим назначением Неаполь, Сицилию, Грецию, Португалию и Ирландию. Интересно отметить, что, несмотря на мнение английского консула в Ливорно, мысль об Египте не попала в инструкцию адмиралтейства. 25 мая Джервис отправил Нельсону подкрепление из 11 кораблей и с ним передал, в дополнение инструкции, словесное приказание следовать за неприятелем всюду, в Средиземном и даже в Черном морях.

9 мая Нельсон вышел со своим немногочисленным отрядом из Гибралтара; 17 мая он был недалеко от Тулона, где захватил высланного Брюэссом разведчика, от которого узнал о составе французского флота. 19 мая северо-западный штурм отогнал Нельсона от французского берега; флагманский корабль его *Vanguard* потерял фок мачту и стеньги на двух других мачтах, что заставило Нельсона спуститься к берегам Сардинии. Фрегаты Нельсона, потерявшие его из виду, покинули назначенное им место для наблюдений и отправились на поиски своего адмирала, полагая, что тяжелые повреждения флагманского корабля заставили Нельсона искать убежища в английском порту.

Узнав о входе английской эскадры в Средиземное море, Бонапарт ускорил выход своей экспедиции и, как раз 19 мая, с попутным ветром, который за берегом не имел характера шторма, вышел из Тулона. На его счастье, вследствие вышеуказанных обстоятельств, никто не наблюдал за передвижениями французского флота. Экспедиция направилась вдоль берега на Восток; 21 мая к ней присоединился отряд транспортов из Генуи. Обойдя северную оконечность Корсики, флот застигнул у восточного берега острова; 27 мая к нему здесь присоединился отряд транспортов, снаряженный на Корсике, причем, вследствие малых размеров этих транспортов, пришлось большую часть войск с них снять и распределить по линейным кораблям и большим транспортам.

Пока экспедиция занималась этой опасной операцией, причем появление даже слабого противника могло разрушить весь план Бонапарта, Нельсон в четыре дня исправил в порте С.-Петро (на о. Сардиния) свои повреждения и вышел к Тулону. Подойдя к этому порту, он узнал о выходе французского флота, но, не найдя на назначеннем месте своих фрегатов, не мог собрать никаких сведений о направлении, принятом французами. Кроме того, наступили

шили и Нельсон не мог тронуться с места. 11 июня здесь к нему присоединился адмирал Трубридж с эскадрой из 11 линейных кораблей. Надеясь настигнуть экспедицию в открытом море, Нельсон составил план нападения, по которому эскадра из 10 кораблей, под его начальством, должна была напасть на эскадру Брюэсса, а отряду из 4 кораблей, под командой Трубриджа, была дана задача — топить транспорты с войсками. Легко представить себе опасность, которой подвергалась вся экспедиция Бонапарта в случае встречи ее с английской эскадрой. Только ряд счастливых случайностей спас Бонапарта, который, по пути в Египет, овладел о. Мальта и 30 июня благополучно подошел к египетским берегам, где и высадил свою армию в бухте Марабу, в 10-ти милях к западу от Александрии.

Насколько рискован был переход Бонапарта через Средиземное море, показывает тот факт, что 21 июня противники находились всего в 22 милях друг от друга, причем Нельсон, не зная этого, шел на SW; только на следующий день он узнал от коммерческого баркаса, встретившего накануне французский флот, что французы ушли уже с о. Мальты и с попутным ветром идут на O-st. Это известие утвердило Нельсона в мысли, что целью экспедиции Бонапарта является Египет; он принял немедленно решение преследовать своего счастливого противника, для чего поставил все возможные паруса. Судьба экспедиции опять висела на волоске, так как, Нельсон подвигался скорее французского флота, движение которого замедлялось транспортами. Но отсутствие у Нельсона фрегатов лишило его возможности производить разведки, а счастье было упорно на стороне Бонапарта.

Нельсон взял курс прямо на Александрию, а французы придержались о. Крита. В результате Нельсон 24 июня обогнал экспедицию, и хотя в продолжении целых суток был от нее в расстоянии всего 26 миль, не видел ее. 28 июня английская эскадра подошла к Александрии; рейд оказался пустым и никто из жителей ничего не знал о французы и не ждал их. Нельсон пришел к заключению об ошибочности своего предположения об Египте, как цели французской экспедиции; ему представилось, что французы уже ведут операции против Сицилии, особенно порученной его охране. Не отыгшая ни минуты, Нельсон решил возвращаться, но теперь ему приходилось лавировать и первый же галс увлек его далеко от Египта, в направлении противоположном тому, от которого в это время подходили к египетским берегам французский флот. 1 июля Бонапарт узнал от французского консула в Александрии, что англичане здесь были три дня тому назад и ушли по направлению к о. Криту. Решено было пользоваться счастьем и спешить с высадкой, которая,

как было сказано выше, и была благополучно произведена 2 июля в бухте Марабу.

И так, казалось бы, счастье Бонапарта почвотило ему перебросить крупную десантную экспедицию через Средиземное море, на котором господствовал сильнейший и более искусный противник. Блестящие победы Бонапарта у Александрии и Каира вскоре сделали его властелином Египта. Но, в то самое время, когда Бонапарт, оттеснив своих противников к границам Сирии, возвращался со своей победоносной армией в Каир, — он получил известие об уничтожении своего флота у Абукира.

Случилось это так: эскадра адмирала Брюэсса, после высадки армии, получила от Бонапарта приказание избрать себе место стоянки, которое обеспечивало бы ее от нападения; для этого предлагалось Брюэссу ввести корабли во внутреннюю гавань Александрии, а, если это окажется невозможным, то укрыться в Корфу, где была устроена французами первоклассная крепость. Адмирал Брюэсс отверг, однако, оба проекта, и перешел в Абукирскую бухту, которая, по совершенно открытому расположению, не могла представить флоту стоянку, обесцененную от неприятельского нападения. Такое решение Брюэсса вызывалось убеждением, что английская эскадра не появится у египетских берегов, так как она была у Александрии только за три дня до прихода туда французской экспедиции и, не найдя ее, ушла. Поэтому же Брюэсс не принял никаких мер по охранению флота, не держал перед бухтой дозорных судов и не высыпал в море разведчиков. 1-го августа часть команд с французских судов была послана на берег за пресной водой, а палубы кораблей были загромождены бочками. Сама диспозиция эскадры на рейде была совершенно неудачной.

Только 24 июня, находясь в Сиракузах, Нельсон получил, наконец, точные сведения о высадке французов в Египте и немедленно же направился к египетским берегам. 1-го августа английская эскадра подошла на вид Александрии, но в гавани были усмотрены только транспорты. Вскоре, однако, англичане увидели и корабли, стоявшие за Абукирским мысом. Нельсон немедленно повернул от Александрии и около 4 час. дня появился перед Абукирской бухтой. Пропускаю описание происшедшего сражения, закончившегося уничтожением французского флота. Экспедиция Бонапарта была отрезана от своей метрополии, — от тыла и главной базы. Какие бы в дальнейшем ни одержали французы победы в Египте, исход экспедиции был предрешен: с каждой операцией силы французской армии неизбежно таяли, снабжение ее истощалось... Неудача Бонапарта под Акрой в мае следующего года обязана была исключительно содействию английского флота гарнизону этой крепости.

Сознавая безнадежную будущность экспедиции и получив в августе 1799 г. тревожные известия о положении дел в самой Франции, Бонапарт решил бросить свою армию и прорваться на фрегате во Францию, что ему и удалось, благодаря неизменному еще пока счастью. Командование войсками в Египте было поручено Клеберу. Вернувшись во Францию и достигнув вскоре верховной в ней власти, Бонапарт, в качестве первого консула, неоднократно делал попытки восстановить утраченное французским флотом господство на Средиземном море. Но союзный франко-испанский флот, несмотря на свое численное преобладание, не был способен справиться с английскими морскими силами. Египетская армия французов, предоставленная своим силам, окруженная, после многих своих еще блестящих побед, преображенными силами турок и англичан, принуждена была, в 1801 г., капитулировать.

Египетская экспедиция Бонапарта имевшая своей политической целью—нанести удар в центр колониального могущества Англии, окончилась неудачей, т. к. военной целью операции было избрано занятие страны, отделенной от Франции морем, господство на котором предварительно не было обеспечено за французским флотом. Слепое счастье позволило Бонапарту благополучно перебросить свою армию через Средиземное море, несмотря на то, что за ним беспрерывно гнался более искусный и сильный противник, чем прикрывавшая экспедицию эскадра адмирала Брюэсса. Но благополучная высадка армии Бонапарта в Египте еще не избавляла его от необходимости борьбы за господство на море. Судьба, так сказать, дала Бонапарту большой ценности вексель, избавив его от встречи в море с английской эскадрой и связанный с этим неминуемой катастрофы всей его экспедиции. Но тем неотложнее являлась расплата по этому векселю: существование заброшенной в Египет французской армии неизбежно было связано с обеспеченностью морских коммуникационных путей, связывающих эту армию с ее тылом, с Францией. А для этого—единственный путь—борьба с английским флотом за господство на море. Но об этом не думал ни Бонапарт, заботившийся только об укрытии своего флота, ни адмирал Брюэсс, который вовсе даже и не готовился к сражению со своим знаменитым противником, и все свои надежды возлагал на то, что Нельсон его не найдет.

Мы видели также, в каком страшно рискованном положении находилась экспедиция Бонапарта, во время ее перехода через Средиземное море. Несомненно, безопаснее было бы попытаться предварительно завладеть Средиземным морем, и только после этого везти экспедицию. В случае такого решения, Франция рисковала бы только своей Тулонской эскадрой (все равно уничтоженной при Абукире), но ее

великолепная, закаленная в Итальянской компании и предводимая гениальным полководцем армия была бы для нее сохранена и весьма пригодилась бы республике во время возгоревшейся вскоре новой войны на континенте, в которой впервые против Франции выступила, в союзе с Англией и Австрией, Россия, пославшая в Италию свои войска с неизбежным Суворовым во главе.

Вернувшись из Египта во Францию и добившись вскоре в ней, путем государственного переворота (18 Брюмера—9 ноября 1799 г.), верховной власти, Бонапарт, прежде всего, обратил свои главные заботы на усиление армии и энергичное продолжение войны с коалицией. К этому времени тяжелая для Франции обстановка на театре войны в значительной степени уже изменилась к лучшему. Своекорыстная политика Австрии и безжалостная стратегия ее гофкригсрата поставили малочисленную армию Суворова, перекинутую из Италии в Швейцарию, в чрезвычайно тяжелое положение. Только гений и несокрушимая энергия 69-ти летнего великого русского полководца смогли вывести нашу армию из Швейцарии, в которой ей пришлось бороться не только с сильнейшим, окружавшим ее, неприятелем, но с исключительно трудными природными условиями. Англия также не преминула проявить свою корысть и пренебрежение к русским интересам. Недовольство Павла I своими союзниками заставило его, в декабре 1799 года, выйти из коалиции. Единственными грозными противниками Франции остались Англия и Австрия.

Я не буду излагать здесь ход успешной и славной для французского оружия кампании 1800 года, ознаменовавшейся победами Моро в Германии и Бонапарта в Италии (Маренго) и приведшей к заключению с Австрией перемирия (в июле—августе 1800). Для нас сейчас важно осветить меры, которые принимал в это время Бонапарт, в качестве Первого Консула, для борьбы со своим главным врагом, с Англией.

Переписка Наполеона показывает, что с тех пор, как только он стал у верховной власти, начались его заботы, настоящие и инструкции о снаряжении и снабжении флота, о выходе его в море, о выручке Мальты и Египта, о захвате Сардинии и пр. Понимая нецелесообразность одних крейсерских операций, направляемых против неприятельской морской торговли, если они не сопровождаются борьбой главных сил флота за владение морем, он писал морскому министру:

— «Я с прискорбием вижу, что снаряжение флота было присено в жертву снаряжению большого числа мелких судов.

Не расчитывая на скорое воссоздание французского флота такого размера, чтобы возможно было ему вступить в решительную борьбу с британской морской силой за господство на океане,—Бонапарт надеялся, в это время, добиться хотя бы господства в Средиземном море, что обеспечило бы ему сохранение за собой Египта и Мальты, а также позволило бы думать об осуществлении обширных восточных планов. В этих целях он, с одной стороны, пытается перебросить в Средиземное море часть своих морских сил из Атлантического океана и, с другой, старается создать такую политическую обстановку, которая заставила бы английское правительство очистить Средиземное море. Это стремление было одной из главных пружин его усиленной, в это время, политической деятельности, направленной в сторону создания из северных держав (Дании, Швеции, Пруссии и России) враждебной Великобритании политической комбинации. Каждое из этих государств имело, к этому времени, серьезные причины к недовольству Англией, вследствие производимого ею стеснения в их морской торговле и произвола, допускавшегося ее морскими силами, по отношению к нейтральным коммерческим, и даже военным, судам. Нейтралитет, который с 1795 г. неизменно соблюдала Пруссия, доставлял ей и северо-германским государствам громадные выгоды от морской торговли через реки Эмс, Везер и Эльбу, и города Бремен и Гамбург. Всякое стеснение этой торговли, производимое британским флотом, естественно раздражало Пруссию. Искусно пользуясь этим, Бонапарт льстил самолюбию Берлинского правительства, поддерживая его мечты о занятии Ганновера (состоявшего, через английского короля, в личной унии с Великобританией) и гегемонии в Германии. Ухаживая за враждебно уже настроенным по отношению к Англии Павлом I, романтический характер и экзальтированность которого он вполне понял,—Бонапарт обещал ему, как гроссмейстеру Мальтийского ордена, передать о. Мальту, как только удастся освободить его от английской блокады; желая воздействовать на его рыцарские чувства, Первый Консул распорядился обмундировать, свидетельствовать и отправить в Россию 8.000 русских солдат, взятых в плен в предыдущую кампанию. Инцидент со взятием британским флотом датского фрегата (в июне 1800 г.) Бонапарт всячески постарался разуть и изобразить, как неслыханное нарушение международного права. Этот инцидент побудил Павла I, к большому удовольствию Первого Консула, наложить арест на английскую собственность, находящуюся в России. Не довольствуясь, однако, этим, Бонапарт, путем дипломатических переговоров и дружеской переписки, усиленно побуждал Павла I к полному разрыву

увлекая его романтической перспективой совместного похода на Индию. Старания Бонапарта увенчались успехом, и 10 сентября 1800 г. последовал разрыв дипломатических сношений России с Англией. 16 декабря между Россией и Швецией был заключен договор о вооруженном нейтралитете, к которому вскоре присоединились Пруссия и Дания. Договор этот был явно направлен против Великобритании, так как требовал от нее соблюдения таких прав нейтральной морской торговли, с которыми английское правительство не могло согласиться, не нарушая своих важных политических и стратегических интересов.

Отказ Австрии заключить сепаратный мир с Францией привел, 28 ноября 1800 г., к возобновлению военных действий, но решительная победа Моро под Гогенлиинденом и движение его на Вену, а также одновременные успехи французского оружия в Италии,—заставили Австрию согласиться на требования победителей, и 8 февраля 1801 г., в Люневиле, ею был заключен мирный договор с Францией. Подчинясь влиянию правительства победоносной республики, Пруссия закрыла устья Эльбы, Везера и Эмса (30 марта 1801 г.) для английской морской торговли, а датский корпус, одновременно, занял Гамбург.

Мечты Бонапарта, казалось, осуществились. Англия оказалась изолированной от континента и противопоставленной грозной коалиции морских держав. Преследуя свою основную цель—овладеть Средиземным морем, он всячески старается отвлечь силы британского флота на другие театры. Не довольствуясь уходом сильной английской эскадры в Балтийское море, для действий против Дании и России, он находит на испанское правительство, побуждая его снажать экспедиции в Ирландию, Бразилию, Ост-Индию и Карибское море; одновременно он убеждает Павла I поддержать его энергичной деятельностью русской эскадры в Архипелаге.

— При тех затруднениях,—писал он в это время морскому министру,—которые предстоят Англии, угрожаемой в Архипелаге Россией и в северных морях—соединенными державами, ей будет невозможно держать долго в Средиземном море сильную эскадру.

С другой стороны, Бонапарт стремится закрыть для британского флота средиземноморские порты. В этих целях, по заключении перемирия с Австрией, он передвинул корпус Мюрате к Неаполю, благодаря чему ему удалось заставить правительство Неаполитанского королевства (королевства „Обоих Сицилий“) заключить с ним мирный договор, (28 марта 1801 г.), по которому оно обязалось закрыть доступ в свои порты военным и коммерческим судам Великобритании и Турции, тогда как суда Франции, ее союзни-

ков и северных держав получили в эти порты свободный доступ. По секретному пункту этого договора, юго-запад Италии занимался 15.000-ным отрядом французов, которому должны были быть сданы все приморские крепости в этом районе.

— Эта оккупация, писал Первый Консул военному министру, имеет целью лишь облегчить сообщения египетской армии с Францией.

Одновременно с такой военно-политической подготовкой, Бонапарт принимает энергичные меры к усилению своих морских сил в Средиземном море. Псылая настойчивые приказания своим эскадрам и отрядам, стоявшим в атлантических портах (главным образом — в Бресте и Рошфоре) о прорыве в Средиземное море, он, в то же время, поручает своему посланнику в Мадриде воздействовать в том же направлении на испанское правительство.

„Посланник республики,—писал он в феврале 1801 г.,— заставит испанское министерство понять, что мы должны какою бы то ни было ценой сделаться господами Средиземного моря. Франция будет иметь там пятнадцать линейных караблей до равнодействия, и если еще Испания присоединит к ним пятнадцать своих, то англичане,—для которых скоро должны быть уже заперты порты Сицилии, Лиссабона и Неаполь,—не будут в состоянии держать в Средиземном море тридцать кораблей. А раз это так, то я не сомневаюсь, что они эвакуируют Магон, ¹⁾ по невозможности оставаться в том море“.

Осуществить эти обширные планы, однако, Бонапарту не удалось. Бедность французских портов задерживала снаряжение его эскадр; суда находились в плохом состоянии и были укомплектованы мало обученными и плохо дисциплинированными командами; командный состав был пестрый, мало опытный и не проинкнутый чувствами взаимного доверия. Не лучше дело обстояло и в испанском флоте, личный состав которого, сверх того, относился с недоверием и недоброжелательством к своим союзникам. Ко всему этому бдительная блокада французских и испанских портов британским флотом в чрезвычайной степени затрудняла выход в море и сосредоточение заблокированных отрядов. Вследствие этих причин, Бонапарту удалось лишь незначительно и с большими потерями усилить средиземноморский свой флот, базировавшийся на Тулон.

Созданная Бонапартом коалиция северных держав оказалась непрочной, т. к. участие в ней слишком отражалось на торговых интересах. Нападение английской эскадры на

Копенгаген и уничтожение Нельсоном, в Копенгагенском сражении (2 апреля 1801 г.), датского флота вывело из состава коалиции Данию, а убийство Павла I (24 марта 1801 г.), в значительной степени обязанное нарушенным, вследствие разрыва с Англией, коммерческим интересам крупной русской аристократии и вряд ли обошедшееся без участия английского золота,—и несло окончательный удар Северной Лиге. Уже 27 апреля последовало соглашение между Пруссией и Россией о прекращении враждебных мер против Англии, а 17 июля в С.-Петербурге была подписана конвенция между Россией и Великобританией. Швеция и Дания, по необходимости, последовали примеру России.

Наконец, оккупация французскими войсками юго-западной части Италии оказалась запоздалой мерой, т. к. к этому времени уже состоялась высадка в Египте англо-турецкой армии и французские силы были разобщены и осаждены в Каире и Александрии.

В этих обстоятельствах, а также сознавая полное свое бессилие помочь заокеанским колониям Франции и ее союзников, переходившим в руки владеющей океанами Великобритании, Бонапарт решился вступить с ней в мирные переговоры. Так как общественное мнение в Англии давно уже склонялось к миру, разочарованное долгой и разорительной борьбой, то мирные переговоры скоро привели к успешному концу и 1 октября 1801 г. были подписаны в Лондоне предварительные условия мирного договора.

В смысле материальных приобретений, этот договор был выгоднее для Франции, чем для Великобритании; первая обеспечивала договором все приобретения, которые она сделала во время войны, тогда как вторая уступила часть владений, принадлежавших ей перед войной. Англии не удалось, вместе с тем, сломить в этой войне агрессивный дух французской революции, воплотившийся теперь в лице гениального, с неограниченным честолюбием, полководца, ставшего полным повелителем Франции и союзных с ней стран. Система равновесия на европейском материке, поддержанная которой еще со времен Кромвеля являлась целью английской политики, была нарушена теперь в пользу Франции в гораздо большей степени, чем это имело место во времена Людовика XIV. Господство Первого Консула в устьях Шельды и Рейна и соседство его войск с Ганновером не могли не беспокоить британское правительство и общественное мнение, т. к. этим обстоятельством английская торговля с материком в значительной степени ставилась под контроль Франции, а королевские земли английского короля оказывались под ее непосредственной угрозой. Хозяйничанье Бонапарта в Верхней Италии, из которой была образована Итальянская республика, избравшая Бонапарта своим пре-

¹⁾ Магон — порт на принадлежавшем Испании и находящемся в Средиземном море, в группе Балеарских островов — острова Минорка.

аппентом, а также обширные его приобретения в Бразилии и Луизиане, полученные путем секретных соглашений с Португалией и Испанией и допустившие Францию к двум величайшим водным артериям американского материка,—р.р. Миссисипи и Амазонке,—еще более раздражали политические круги в Англии.

С другой стороны, и Бонапарт не мог быть, несмотря на весь видимый блеск его торжества, вполне удовлетворен создавшимся положением. Морская мощь Англии не только не была сломлена, но, наоборот, результатом борьбы явилось дальнейшее увеличение этой мощи и ослабление на море Франции. В начале войны Великобритания имела 135 линейных кораблей и 133 фрегата; при окончании же войны у нее было 202 линейных корабля и 277 фрегатов. Франция начала войну с 80 линейными кораблями и 66 фрегатами, а кончила с 39 линейными кораблями и 35 фрегатами. Англия окончательно упрочила свое положение в Индии, приобретя о. Цейлон; утвердила на м. Доброй Надежды, явившимся господствующим пунктом на пути в Индию и на Дальний Восток; оставила за собой о. Тринидад,—чем приобрела выгоднейшую позицию для операций в Карибском море. Сокровеннейшая мечта Бонапарта о господстве на Средиземном море также не была им достигнута: англичане медлили с эвакуацией о. Мальты; в Египте,名义ально переданном Турции, фактически распоряжались они же; сильная британская эскадра постоянно находилась в Средиземном море; все сношения и торговля Франции с Левантом находились под ее контролем.

Естественно, что при создавшихся условиях, заключенный в Амьене окончательный мирный договор (25 марта 1801 г.) не мог обеспечить долгого мира между Францией и Англией и, в сущности, являлся лишь перемирием, которое Бонапарт надеялся использовать для восстановления своего флота и всесторонней подготовки к новой, решительной борьбе со своим главным противником.

Заканчивая описание этого периода борьбы Наполеона с Англией, отметим, что, наряду с мероприятиями стратегического характера, предпринимавшимися им, чтобы сломить морское могущество своего противника, Бонапарт обнаружил, в этот период, ту идею, которая впоследствии, когда окончательно были разбиты его мечты о непосредственной борьбе его флота с британской морской силой за господство на море, стала господствующим первом в его политике—идею „покорить Великобританию с суши“, отрезав ее морские торговые сношения от главного их рынка—европейского материка, посредством запретительных мероприятий, которые обязывались приводить в исполнение на своем побережье союзные с Францией государства. Обратим также

внимание на тот факт, что именно эта-то его политика и явилась причиной непрочности Северной Коалиции, торговые интересы которой слишком страдали от прекращения морской торговли.

Неудовлетворительные для обоих сторон результаты Амьенского мира и его непрочность вначале были ясны лишь для политических руководителей этих стран. Видимое же торжество внешней политики Бонапарта, базировавшейся на его блестательных военных успехах на материке, и столь же успешная его деятельность по внутреннему успокоению и экономическому подъему измученной революцией Франции, —доставили ему новый громкий триумф, выражившийся в подношении ему благодарной французской нацией, путем плебисцита, ножизненного консульства. До монархии остался один, небольшой уже шаг...

Мы не будем останавливаться на истории четырнадцати месяцев, протекших между заключением мирного договора в Амьене и возобновлением войны между Англией и Францией (18 мая 1803 г.) и перейдем к рассмотрению величайшей стратегической морской операции, задуманной и лично руководившейся Наполеоном,—операции, в которой выразилась морская борьба между обоями противниками в первый период войны, пока при Трафальгаре великий британский адмирал Нельсон не нанес смертельный удар возрождавшейся морской силе Франции и, вместе с тем, морским планам Наполеона. С этих пор Наполеон отказывается от мысли поразить Англию на море или на ее территории и, в течение 9 лет, пытается „сокрушить ее могущество с суши“, путем расширения границ континентальной ее блокады. Такая блокада могла дать результаты только при условии закрытия для Англии всего побережья Европы и могла осуществляться лишь путем непрерывного давления, производимого Наполеоном на прибрежные государства, т. к. прекращение морской торговли наносило им большие убытки, и населению их—причиняло лишения. Отсюда понятно, что, с одной стороны, стремление к осуществлению континентальной блокады побуждало Наполеона к расширению сферы своего политического влияния, что достигалось только путем военного воздействия, либо, как результат победоносной кампании, либо как следствие военной угрозы. С другой же стороны, проведение в жизнь континентальной блокады возбуждало против Наполеона наиболее влиятельные слои населения заинтересованных государств, что создавало, наряду с другими насилиственными проявлениями империалистической его политики, благоприятную почву для образования против него могущественных коалиций,—к чему, конечно, всячески и непрерывно стремился Англия. Едва-ли бы умножением сказать, что по-

литическая и военная борьба за континентальную блокаду Англии является основной осью, скелетом всей истории Империи Наполеона и в ней надо искать истинные причины не только его политики, войн, завоеваний и союзов, но и его падения.

Из переписки Наполеона видно, что он не сомневался в неизбежности решительной, борьбы с Великобританией,—борьбы настолько решительной, что результатом ее будет полное сокрушение могущества одного из противников. Но эта переписка доказывает также, что в планы Наполеона входило оттянуть начало этой войны насколько возможно даже:

— Мир необходим,—писал он,—для восстановления флота, мир—для снабжения наших военных портов, лишенных материалов, и мир, потому, что при нем открыта единственная арена для обучения наших эскадр, т.-е. море.

Однако, уже с декабря 1802 г., отношения с Англией стали настолько натянутыми, что обе стороны ускоренно стали готовиться к возобновлению борьбы.

Видя неизбежность ближайшего разрыва с Великобританией, Наполеон распорядился срочно, без конвоя, отправить в заморские колонии Франции сильные подкрепления и запасы; обширные владения ее в районе р. Миссисипи, которые он не рассчитывал возможным удержать за собой, ввиду несомненного превосходства британского флота, были уступлены им Соединенным Штатам С.-Америки за 80 миллионов франков. Большая часть французских боевых судов была вызвана в отечественные порты из колоний и практических плаваний. Почти накануне разрыва началось сосредоточение войск на берегах Голландии и Фландрии. Особыми указами был назначен сбор имевшихся у частных лиц и обществ плоскодонных судов, которые собрались в Шельде и в портах Канала. Приступлено было к обширным работам по вооружению побережья от Шельды до Соммы.

Приготовления Наполеона выяснили его планы, которые были верно угаданы его противниками. На прениях, происходивших в парламенте по случаю объявления войны, Питт указал на два способа действий, которыми Франция могла рассчитывать сломить Англию: 1) высадка десанта на британские острова и 2) истощение средств и подорвание кредитта Англии, путем продолжительной и разорительной войны. Естественно, что и Великобритания, с своей стороны, принимала соответственные меры для разрушения планов своего противника. На ряду с мерами военного характера, выражавшимися в сосредоточении ее эскадр в пунктах, удобных для немедленного установления, с открытием военных действий, блокады французских портов,—возобновилась энергичная и искусная деятельность британской дипломатии по созданию на континенте новых коалиций против Франции.

пломатии по созданию на континенте новых коалиций против Франции.

16 мая 1803 г. Англия объявила войну; в тот же день адмирал Корнволлес с 10 линейными кораблями вышел из Плимута для блокады Бреста, а 18 мая адмирал Нельсон поднял свой флаг на „Victory“ и отплыл в Средиземное море.

Задумав поразить Англию в самое сердце ее могущества, Наполеон немедленно, по объявлении войны, со всей энергией приступил к подготовке этой операции в самом широком масштабе. Пока же, в целях демонстративных и для обеспечения операции, он направил удары на оба фланга своего громадного приморского фронта. 26 мая Мортье вторгся в Ганновер, имея задачей занять его и закрыть расположенные на его побережье порты для английской торговли. Несколькими днями позже Сен-Сир двинулся через Панскую Область в Неаполитанское королевство, имея своей задачей овладеть полуостровом Отранто, с портами Таранто и Бриндизи. Если первая операция являлась последовательным звеном в общем плане постепенного расширения континентальной блокады Англии, то вторая имела скорее демонстративную цель: названные порты являлись ближайшими к Египту; сосредоточение в них французских войск могло указывать на намерение Наполеона снова направить свои удары на восточную часть Средиземного моря, — на пути, ведущие к Индии. Такая демонстрация должна была отвлечь силы британского флота из западной части этого моря, от Гибралтара и Тулона,—что, в свою очередь, облегчило бы выход из Средиземного моря Тулонской эскадры, для обеспечения главной операции Наполеона—переброски его армии через Канал, на британские острова.

Главный удар в этой операции возлагался на большую экспедиционную армию, которая с этой целью была сосредоточена на французском берегу Канала. Стремясь всемерно увеличить шансы успеха операции, Наполеон решил осуществить самую переброску армии через Канал на гребных судах, чтобы приобрести, таким способом, независимость от ветра—что позволяло ему приступить к перевозке армии в такую погоду, которая могла помешать парусному флоту англичан во время сосредоточиться к месту производства операции (например, во время безветрия).

Первая задача Наполеона, таким образом, состояла в подготовке „флотилии и армии вторжения“. Флотилия должна была состоять из специально для этого построенных, больших, плоскодонных, гребных лодок, могущих принимать на себя по 60—100 солдат и вооруженных 2—4 сильными пушками. К постройке таких лодок (числом до 1500) было приступлено с величайшей энергией на всем протяжении побережья, от Голландии до Шербурга, а также и в реках,

впадающих в этом районе в море. Главным местом сосредоточения флотилии был избран порт Булонь; гребные суда, по мере своей готовности, должны были стягиваться к этому порту, идя, благодаря своей малой осадке, вплотную вдоль французского берега,—под защитой установленных на этом берегу неподвижных и полевых батарей. Целесообразность принятых мер скоро оправдала себя: англичане, после неоднократных неудачных попыток, вскоре перестали мешать сосредоточению гребной флотилии. В Булонском порту было приступлено к обширным землечерпательным работам, проводившимся при участии солдат экспедиционной армии. К июлю 1805 г. во вновьрытых бассейнах Булони было сосредоточено более 1000 гребных судов, готовых принять на себя и переправить через Канал 40.000 солдат. В пяти милях к северу и в 12 милях к югу от Булони было оборудовано, таким же образом, еще три порта, могущих вместить в себя до 700 гребных судов.

Экспедиционная армия сосредоточивалась, главным образом, в Булонском лагере, где энергично и систематически производилась всесторонняя ее боевая подготовка; кроме того, войска часто практиковались в посадке на гребные суда флотилии, которые неоднократно выходили, для практики, с приным десантом, в море и маневрировали, как бы подготавливаясь к борьбе с британскими парусными кораблями. Среди флотилии и экспедиционной армии было распространено мнение, нашедшее себе отражение в многочисленных мемуарах, о возможности флотилии самостоятельно, без поддержки своего линейного флота, воспользовавшись подходящей погодой, перебросить экспедиционную армию через Канал и даже, в случае встречи с британским флотом, успешно атаковать его, пользуясь многочисленностью гребных судов, их поворотливостью и независимостью от ветра, их сильной артиллерией и большим числом солдат на них.

Так, Мармон пишет в своих воспоминаниях:

— В лагере был возбужден вопрос относительно возможности сражения с военными кораблями плоскодонных судов, вооруженных 24 фн. и 36 фн. пушками, а также относительно того, может ли флотилия из нескольких тысяч таких судов атаковать эскадру кораблей. Старались убедить себя, что успех возможен. Но, несмотря на кажущуюся самоуверенность, с какой Бонапарт поддерживал такое воззрение, в действительности никогда, ни на минуту, он не разделял его.

Британский флот непрерывно и тесно, невзирая на погоду и время года, блокировал те французские порты, в которых стояли эскадры и отряды линейного французского флота.

операции, было сосредоточено до 150 британских фрегатов и более мелких судов.

План Наполеона был основан на предположении возможности, путем искусного стратегического маневрирования и демонстраций, деблокировать и сосредоточить в Канале превосходные силы линейного французского флота и, достигнув хотя бы временного здесь господства, обеспечить, таким способом, безопасный переход через Канал гребной флотилии и успешную высадку десанта на английском берегу.

— Пусть только мы сделаемся господами Канала на шесть часов,—писал он одному из своих адмиралов (Лятуш-Тревиллю),—и тогда мы сделаемся господами всего света.

Весь успех операции ставился, таким образом, в зависимость от успеха действий линейного французского флота,—поскольку ему удастся прорвать блокаду и сосредоточиться, в превосходных силах, в водах Канала. Легко видеть, что в основной своей идее эта операция Наполеона заключала в себе ту же коренную ошибку против природы морской войны, которая лежала и в замысле Египетской экспедиции, неизбежно предрешая ее гибель. В самом деле, замысел Египетской операции был основан на возможности, путем демонстративных действий, обмануть британский флот и, незаметно от него, перебросить экспедиционную армию через Средиземное море в Египет. Упускалась при этом из виду совершаяя необходимость после высадки армии непрерывно поддерживать ее коммуникацию с Францией,—что только и возможно было осуществить путем победы французского флота над своим соперником. Уничтожение Тулонской эскадры при Абукире, после состоявшейся высадки французской армии, отрезало последнюю от Франции,—вследствие чего конечная гибель ее была предрешена,—какие бы до этого она ни одержала успехи в Египте. Ту же коренную ошибку мы встречаем и в данной операции. Допустим, что Наполеону удалось бы, путем искусственных демонстративных действий и соответственного стратегического маневрирования его эскадр, обмануть английское морское командование, отвлечь британские эскадры на второстепенные театры и сосредоточить в Канале превосходные силы французского флота. Допустим даже, что, под прикрытием этого флота, Наполеону удалось бы успешио переправиться со своей экспедиционной армией через Канал и благополучно высадиться на английском берегу. Но что же дальше? Характер британского народа и вся его предыдущая история показывают, что Наполеону, во всяком случае, пришлось бы встретить на территории Англии крайне упорное и длительное сопротивление,—не только со стороны регулярных войск, но и от согласованных с ними операций партизанских отрядов. Та же

история Англии показывает, что взятие Лондона, даже в гражданской войне, не предрешало еще ее исхода. Исторические документы и мемуары той эпохи подробно рисуют нам энергию и патриотическое одушевление, с какими английский народ тогда вооружался и готовился к беспощадной борьбе со своим национальным врагом, в случае его высадки. Наполеон должен был рассчитывать на долгую и окесточенную борьбу в Англии и, следовательно, обязан был озабочиться об обеспечении на все время этой борьбы прочной коммуникации своей экспедиционной армии с Францией. А для этого мало еще было достигнуть временного господства своего флота в Канале. Совершенно необходимо было ожидать, что этому флоту придется, в скором времени, вступить в самую решительную борьбу со всей британской морской силой,— борьбу, результатом которой будет уничтожение одного из противников. Имел ли основание Наполеон надеяться, что победителем в этой решительной борьбе останется его флот? Ни его численность, ни состояние, ни подготовка, ни личные качества его вождей,— не давали никаких оснований рассчитывать на такой счастливый для Наполеона результат. А, между тем, от исхода этой борьбы на море зависела бы участь не только его экспедиционной армии, но даже и его самого; англичане, окесточенные борьбой на собственной территории, не пощадили бы, вероятно, ненавистного им „корсиканца“. Как и при рассмотрении Египетской операции, так и теперь, мы приходим к бесспорному заключению, что несравненно безопаснее и целесообразнее было бы, до высадки, решить вопрос о владении морем путем решительной борьбы с британским флотом. В случае неуспеха этой борьбы, Наполеон лишился бы только своего флота, но зато сохранил бы свою великолепную, лучшую в то время в мире, армию. Если же у Наполеона не было надежды, при известном ему состоянии французского флота, на успешную его борьбу с британской морской силой, то сама идея о высадке в Англию должна была быть им решительно отброшена, как не целесообразная и крайне опасная, в случае успешного ее осуществления.

В связи с этим выводом, интересно сейчас разобрать другой вопрос: насколько Наполеон в действительности имел в виду десантную операцию в Англию; не являлась ли подготовка к этой операции лишь искусственным стратегическим маневром, с целью замаскировать свои действительные планы и выиграть время для создания и подготовки армии для задуманной уже тогда кампании против Австрии, которая, в это время, готовилась к новому выступлению, в союзе с Россией, против Франции? Блестящий марш-маневр этой армии, в 1805 г., из Булонского лагеря к Ульму, завершившийся капитуляцией австрийской армии Макка,— в связи

с вышеизложенными соображениями о нецелесообразности замысла десантной операции со стороны ее морской подготовки и обеспечения,— как будто оправдывают такое предположение.

Переписка Наполеона и мемуары его ближайших сподвижников ничем, однако, такого предположения не подтверждают. Правда, в мемуарах Меттерниха приведен разговор автора с Наполеоном в 1810 г., во время которого французский император, будто бы, сознался в том, что истинной целью Булонского лагеря была концентрация и подготовка армии против Австрии, а флотилия и все обширные приготовления к десантной операции имели лишь демонстративный характер. Нельзя, однако, считать такое свидетельство самого Наполеона настолько искренним, чтобы принимать его, как бесспорное доказательство демонстративного характера грандиозной морской стратегической его операции 1803—05 г.г. Потерпев решительную неудачу в осуществлении своей идеи десантной экспедиции и загладив ее блестящей Ульмской операцией, Наполеон не мог быть внутренно удовлетворен таким результатом, считая главным и непримиримым своим врагом Англию. Неудача занесенного над ней удара, в связи с грандиозными средствами и массой энергии, затраченных им на подготовку этого удара; сознание непрочности результатов побед на континенте, пока не будет сокрушено могущество Великобритании; ревность к своей славе непобедимого и непогрешимого в своих планах полководца,— все эти обстоятельства должны были оставить в душе Наполеона незаживающую рану неудовлетворенности и обиды за неудачу задуманной им операции против британских островов. Естественно, что в разговоре с знаменитым австрийским дипломатом, император постарался скрыть эти свои чувства и замаскировать их правдоподобной версией о демонстративной цели всей десантной операции. Следующие соображения, наоборот, утверждают нас в мысли, что Наполеон действительно готовился к десантной операции на британские острова:

1) Основная идея морской части замысла этой операции является характерной для морского стратегического творчества Наполеона. Это, ведь, та же самая идея, какая легла в основу замысла Египетской экспедиции. В сущности та же идея руководила морскими планами Наполеона и в кампании 1801 г., когда он надеялся, путем демонстративных действий и политических комбинаций, достигнуть господства в Средиземном море. Такое господство, полученное не путем уничтожения в боях или заблокирования неприятельского флота, но вследствие временного превосходства в силах в данном морском районе, только и может быть временным. Строить на нем стратегическую операцию, требую-

щую обеспеченных морских коммуникаций на неопределенное время, представляется действием чрезвычайно рискованным, т. к. приход в этот район неприятельского флота соответствующей силы сразу ставит вопрос о господстве на море в решительную fazу его разрешения,—в зависимости от исхода которого ставится на карту судьба всей стратегической операции. Прав был адмирал Того, подняв, перед сражением в Корейском проливе с пришедшей на Дальний Восток эскадрой адмирала Рождественского, сигнал: „Судьба Империи зависит от этого боя. Пусть каждый приложит все свои силы“. И действительно, все успехи и победы, одержанные до этого морского боя японской армией на материке, сошли бы на нет и гибель этой армии была бы предрешена, если бы в этом бою победителем осталась русская эскадра, так как армия оказалась бы отрезанной от своего тыла. Правда, что в этом морском бою риск японцев былведен до минимума, так как слишком велико было их преимущество в сплатах материальных и, в особенности, моральных, над нашей эскадрой. Но имел ли хоть раз, во время своей борьбы с Великобританией, такое преимущество в морской силе Наполеон? Несомненно, и материальное, и, в особенности, моральное превосходство в сплатах всегда было на стороне британского флота; морская сила Франции в это время только еще начинала медленно оправляться от болезненного процесса, пережитого ею за время революции. Состояние французского флота и портов, несомненно, было отлично известно Наполеону; и, тем не менее, мы видим на протяжении всей его военной карьеры, вплоть до разгрома Нельсоном союзного франко-испанского флота при Трафальгаре, одну и ту же руководящую идею, клавшуюся им в основу своих морских стратегических замыслов: путем демонстраций и политических комбинаций достигнуть временного, случайного превосходства в сплатах в данном морском районе, необходимом ему для переброски экспедиционной армии в неприятельскую страну. Только незнакомством Наполеона с природой морской войны, с ее историей, можно объяснить эту хроническую ошибку стратегического творчества величайшего военного гения, не понимавшего, что демонстрации и политические комбинации не могут дать длительного, прочного господства на море; что морская сила, по своей природе, обладает несравненно большей подвижностью и свободой в действиях, чем сухопутная; что только успешный результат боевого состязания между враждебными флотами даст действительное господство на море.

2) Создавая, что в начавшейся борьбе с Англией ставится ребром вопрос: либо он должен сокрушить могущество Великобритании, либо последняя, пользуясь своей морской силой и пристекающей из нее экономической мощью, со-

окрушил его силу, а следовательно и карьеру,—Наполеон, склонный вообще, по своей натуре, к рискованной и крупной игре, увлекаемый к этому же страстным чувством ненависти к своему главному и непримиримому врагу, мог решиться на десантную операцию, при условии, конечно, что флот ему обеспечит безопасную переправу через Канал. Как видно из кампаний его в Испании, России и Германии,—Наполеон вообще не дооценивал участие народа в оборонительной войне; с регулярными же войсками Англии, не имевшими еще тогда того боевого и славного опыта, который присущ был его армии—он рассчитывал легко справиться. Высадка на британскую территорию; энергичный марш-маневр к Лондону; разгром обороняющей его английской армии; занятие столицы Великобритании, откуда он будет диктовать тяжелые условия мира поверженному в плах своему злейшему врагу,—вот как могла рисоваться Наполеону блестящая картина замышляемой им десантной кампании, выигрыш которой доставил бы ему действительное господство над миром. Хотя Наполеон и предостерегал других военных деятелей от „рисования картин“, но это предостережение касалось, главным образом, рисования картин, преувеличивающих опасность,—картин, убивающих решимость и волю полководцев. Сам же Наполеон обладал исключительным воображением, питавшим его волю и творчество; достаточно вспомнить его мечты о воссоздании, сперва, восточной империи Александра Великого, а позже—западной империи Карла Великого, чтобы не сомневаться в этом свойстве характера великого завоевателя. И вот, созданная его воображением, блестящая картина поражения главного его врага, стоящего на пути к осуществлению его грандиозных замыслов,—могла затемнить в его сознании опасность, угрожавшую его коммуникации, находившейся под ударами могучего британского флота. Не забудем, что и в сухопутных кампаниях Наполеон нередко рисковал своими коммуникациями, считая, что победа над живой силой противника явится лучшим способом обеспечения его коммуникации. Не забудем также, что стремление к Москве увлекало Наполеона на роковой путь, приведший его армию к гибели, а ведь он также воображал, что из Москвы ему удастся диктовать свою волю униженному и сломленному Александру Первому.

3) Как ни велико было искусство Наполеона вводить в заблуждение относительно истинных своих намерений не только своих врагов, но даже своих ближайших сотрудников,—трудно все-таки предположить, чтобы это искусство было доведено до такой степени, что ни в одном из документов его обширной переписки не нашла себе отражения демонстративная цель Булонской операции,—если бы только действительно она имела такую цель. Наоборот, мы находим в этой

переписке многочисленные его письма, распоряжения, инструкции, наставления,—часто полные негодующих упреков за медлительность в изготовлении флотилии и эскадр, гнева на бесталанных и нерешительных его адмиралов и пр.

— Все морские экспедиции,—писал он в это время морскому министру.—предпринятые с тех пор, как я стою во главе Правительства, всегда были неудачны, потому что адмиралы смотрят на дело неправильно и научились—я не знаю где—что воевать можно без риска.

Мемуары ближайших сподвижников Наполеона,—Мармона, Нея, Даву, командовавших корпусами в Булонской армии. не оставляют никаких сомнений в том, что они глубоко верили в серьезность плана десантной экспедиции.

4) Блестящий марш-маневр сосредоточенной в Булонском лагере армии к Ульму, тщательно заранее разработанный и подготовленный,—николько не подрывает веры в серьезность десантного плана Наполеона. Наоборот, он только доказывает, что великий полководец и император правильно учел складывавшуюся политico-стратегическую обстановку и, всемерно готовясь к поражению, посредством десантной операции, своего главного врага, он,—одновременно, на случай неудачи операций его флота, ковал из собранной у Булони армии грозное оружие против вероятных осложнений на материке. Булонский лагерь в этом отношении являлся удобной центральной позицией для действий и против Англии, и против любой континентальной коалиции.

Перейдем теперь к непосредственному рассмотрению грандиозной морской операции, задуманной Наполеоном для обеспечения его десантной экспедиции.

К началу войны французский флот был разбросан по различным портам, в которых спешно, побуждаемый приказаниями и наставлениями Наполеона, приводился в порядок и изготавливается к выходу в море. В Бресте стояла эскадра адмирала Гантома, из 18 кораблей; в Рошфоре—отряд адмирала Вильнрева из 5 кораблей; в Ферроле—5 кораблей; в Тулоне—эскадра из 10 кораблей, под командой адмирала Лятуш-Тревилля; кроме того, 1 французский корабль находился в Кадиксе, т.-е., в порту, принадлежавшем нейтральной тогда Испании.

Все французские порты блокировались британскими эскадрами: Нельсон, с 11 кораблями, блокировал Тулон; Пеллью, с отрядом из 6 кораблей, держался перед Ферролем; Комлингвуд, с 6 кораблями,—перед Рошфором и Корнуэллом, с эскадрой из 12 кораблей, тесно блокировал Брест. Британские эскадры поддерживали блокаду французских портов, не взирая на зимние месяцы и штормовые погоды, с изуми-

тельной выдержкой и бдительностью; связанные между собой цепью фрегатов и мелких судов,—эти эскадры делали чрезвычайно трудной операцией сосредоточение частей французского флота в каком-либо пункте, находящемся в пределах блокирующего района, и осуществляли, таким образом, защиту Канала от захвата его, хотя бы на короткое время, вражеским флотом. В самом Канале, для преграждения пути десантной флотилии, находились до 150 фрегатов и мелких судов. На случай неожиданного все-таки появления в Канале отрядов французского флота, прорвавшихся из Рошфора, Ферроля или Тулона и обошедших, например, Британские острова с запада и севера,—в Доунсе и на Спидхэдском рейде стояла, в полной готовности к немедленному выходу в море, резервная эскадра Кейта, из 11 кораблей. Наконец, крайний правый фланг французского морского фронта,—голландский порт Тексель, в котором находились остатки голландского флота, сторожился отрядом Северного моря, из 5 кораблей. Благодаря такой дислокации британских эскадр и принятым мерам по поддержанию между ними связи, адмирал Корнуэлл, на которого, кроме блокады Бреста, была возложена также и защита входа в Канал, мог в короткое время присоединить к себе резервную эскадру и отряд Северного моря и с флотом в 28 кораблей преградить путь появившемуся в Канале французскому флоту.

План Наполеона был построен на введение в заблуждение Нельсона, эскадра которого состояла из старых, нуждавшихся в ремонте, кораблей, а потому не могла непрерывно и в полном составе находиться перед Тулоном. В бурные зимние месяцы Нельсон принужден был держать свои корабли в Мадлене,—порту, расположенному на Северном берегу острова Сардинии, оставляя перед Тулоном лишь два фрегата для наблюдения. Эскадра Лятуш-Тревилля (10 кораблей) должна была выйти в середине января 1804 года из Тулона, воспользовавшись северо-западным ветром, и взять курс в восточном направлении. Генералу Сен-Сири, командовавшему войсками в Италии, было приказано соорудить к этому времени в Таранто батареи для защиты стоянки в этом порту Тулонской эскадры, а также заготовить для нее 500 тыс. порций. Военному министру были посланы в ноябре 1803 года, распоряжения о предполагаемой экспедиции в восточной части Средиземного моря.

Брестской эскадре Гантому приказано готовиться к экспедиции в Ирландию.

На самом же деле, эскадра Лятуш-Тревилля, выйдя из Тулона и скрывшись от наблюдавших за ней британских судов, должна была идти в Гибралтарский пролив, деблокировать отряды в Ферроле и Рошфоре, соединиться с ними,

и, в середине февраля, подойти к Булони, где Наполеон расчитывал, к этому времени, быть готовым к переправе через Канал, со 130.000 армией. Все предприятие основывалось, таким образом, на действиях Тулонской эскадры, начальником которой, вследствие этого, был назначен храбрый и наиболее опытный во французском флоте адмирал—Лятуш-Тревиль.

Из переписки Нельсона видно, что принятые Наполеоном демонстративные меры действительно породили в нем ряд мучительных сомнений о назначении Тулонской эскадры.

12 декабря 1803 года он пишет:— „Кто скажет, куда они намереваются итти? Но-моему, конечно из Средиземного моря“.

16 января 1804 года:— „Трудно сказать, какая страна составляет назначение Тулонского флота,— Египет и Ирландия. Я скорее склонен думать, что последняя“.

23 января: „Только что полученное мною известие заставляет меня думать, что французский флот готовится выйти в море на восток, к Неаполю и Сицилии“.

10 февраля: „30.000 французов готовы сесть на суда в Марселе и Ницце, и я должен думать, что Феррольские корабли двинутся в Средиземное море. Цель Бонапарта— Египет“.

Мы видим, как постепенно, под воздействием принятых Наполеоном демонстративных мер Нельсон отказывается от своего верного первоначального предположения о назначении Тулонской эскадры и склоняется к той именно мысли, которую как раз и хотел внушить ему его волнистий противник. Единственной мерой, которой мог бы Нельсон ответить на возникшие у него сомнения, была бы непрерывная блокада, всей своей эскадрой, Тулонского порта; но состояние кораблей, входивших в состав этой эскадры, решительно не позволяло ей долго держаться в море.

„Мои взоры, пишет Нельсон, постоянно устремлены на Тулон; я не буду терять из виду Тулонский флот.

„Мой дряхлый флот!“

„Если я должен наблюдать за французами, то мне надо быть в море; а в море теперь плохие погоды; если корабли не в состоянии выносить такую погоду, то они бесполезны“.

Ко всему этому, Нельсон еще чувствовал острую нужду во фрегатах и мелких судах для несения сторожевой службы. Нельзя не признать, что Наполеон совершенно правильно учел сложившуюся на море стратегическую обстановку и вполне целесообразно избрал Тулон, как первый пункт для прорыва английской блокады.

Неготовность десантной флотилии и многих линейных кораблей заставила Наполеона отложить намеченную на февраль операцию. К этому его, одновременно, вынуждали и крупные политические события: заговор Пишерю и Моро,

арест и казнь герцога Энгиенского; осложнение, вследствие этого, отношений с Россией и Пруссией. 25 мая Наполеон принимает поднесенный ему высшими законодательными органами Республики Императорский титул.

Связанные с этим великим для Наполеона событием народные торжества и церемонии, дипломатические сношения с европейскими дворами, а также политические путешествия по стране,— не заслоняли однако внимания его от хода работ по подготовке десантной операции.

18 мая Наполеон запрашивает Лятуш-Тревиля—будет ли он готов к июлю. 2 июля он снова пишет тому же адмиралу, что предполагает выход его из Тулона около 1 августа, при чем поручает ему зайти в Кадикс за находившимся там французским кораблем, после чего он должен итти к Рошфору, для чего деблокады и соединения со стоявшим там отрядом, и далее, по его выбору,—кругом британских островов или прямо к Булони.

Неготовность десантной флотилии снова заставляет отложить операцию. Тем временем (20 августа) умирает Лятуш-Тревиль,—единственный морской начальник, которому доверял Наполеон; преемником ему император, с большими сомнениями и колебаниями, назначил Вилььнева, известного за человека нерешительного, ясно видевшего недостатки французского флота и не верившего в успех операции, хотя лично храброго.

Сомневаясь в талантах нового начальника Тулонской эскадры, Наполеон меняет ее задачу, оставляя за ней лишь демонстративную роль. Главная же задача возлагается теперь на Брестскую эскадру Гантома, которой поручается принять на себя 18.000 корпус Ожера; прорвать, воспользовавшись подходящей погодой и темнотой, английскую блокаду; выйти далеко в море и, сбив с толку противника, итти к северной части Ирландии, где произвести высадку, после чего войти с севера в Дуврский пролив, где, в зависимости от хода событий, Брестской эскадре поручается: а) принять в Голландии 25.000 корпус Мармона и также высадить его в Ирландию, или б) обеспечивать переправу Булонской флотилии с экспедиционной армией.

Тулонская эскадра, соединившись с Рошфорским отрядом, должна была, в это время, произвести сильную диверсию в Вест-Индии, после чего итти к Ферролю, деблокировать его и, соединившись со стоящими в Ферроле кораблями, стать на якорь в Рошфоре, с целью оттянуть на себя большую часть британских морских сил. Вилььнев должен был выйти из Тулона 12 октября, а начальник Рошфорского отряда—адмирал Миссисси—1 ноября, выход же Брестской эскадры предположен был 23 ноября.

Между тем, благодаря политике Наполеона, назревал разрыв между Англией и Испанией; многочисленный (до 40 кораблей), хотя и слабо организованный и мало исправный, флот последней, мог в большой степени помочь осуществлению планов императора,—почему Наполеон, обеспечив близкое вступление в союз с ним Испании, снова откладывает операцию.

12 декабря Англия об'явила войну Испании, а 5 января 1805 г. между последней и Францией был заключен союзный договор, по которому испанское правительство обязалось выставить, к марта, 25 линейных кораблей и 11 фрегатов; военное командование всеми союзными, вооруженными силами, по этому договору, было подчинено императору.

Получив в свое распоряжение столь значительное прибавление к своим морским силам, Наполеон возвращается к первоначальной идеи десантной операции на британские острова. Им разрабатывается новый грандиозный стратегический план, оиять-таки основанный на достижении франко-испанским флотом господства в Канале на срок, достаточный для перехода через него флотилии и высадки с нее десанта на английском берегу. Но, для необходимого для этого сосредоточения союзных морских сил, на этот раз избирается пункт, далеко отнесенный от района блокады а именно Антильские острова, куда приблизительно одновременно должны были прорваться из своих портов союзные эскадры и отряды. Наполеон, расчитывая, что, благодаря его демонстративным мерам и выходу его эскадр далеко в океан по неизвестным направлениям,—англичане разбросают свои морские силы,—частью в восточную часть Средиземного моря, частью в Индию, частью в Карибское море. За это время союзный флот успевет сосредоточится в районе Антильских островов и, в соединенной массе, пойдет прямо в Канал, где, благодаря подавляющему превосходству в силах, отгонит или разобьет находящиеся там части британского флота, и, таким образом, захватит господство в Канале на необходимый для десантной операции срок.

К началу 1805 г. морские силы Франции и ее союзников имели следующее расположение:

В Текселе стояло 9 линейных кораблей и 80 транспортов, готовых принять на себя, для экспедиции в Ирландию, корпус Мармона.

В Булони находилась в сборе и в полной готовности к выходу вся гребная флотилия, посадка на нее сосредоточенной в Булонском лагере 130.000 экспедиционной армии могла быть произведена в течение двух часов.

В Бресте стояла эскадра Гантома, увеличившая теперь свой состав до 21 корабля.

В начале января адмирал Миссиеси прорвался из Рошфора с 5 кораблями и ушел в Вест-Индию; в Рошфорском порту осталось еще два корабля, заканчивавших работы по изготовлению к плаванию.

В Ферроле стояло 5 французских и 10 испанских кораблей, но из последних только 6—8 могли быть к марта изготавлены к выходу в море.

В Кадиксе находилось 12—15 испанских кораблей и 1 французский корабль, но оиять-таки из испанских кораблей в марте оказались готовыми к походу только 6 кораблей.

В Карthagе стояло 6 испанских кораблей.

Наконец, в Тулоне, по прежнему, находилась эскадра Вильннева, в составе 11 кораблей.

Полное число кораблей союзного флота достигало громадной цифры 67, но во-первых, значительная часть их не была готова к выходу в море; во-вторых, разбросанное их положение и бдительность английской блокады чрезвычайно затрудняли их своевременное сосредоточение.

Британские морские силы, к тому же сроку, были расположены следующим образом:

В Доунсе находилась эскадра Кейта, в составе 11 кораблей, следившая за Текселем и Дуврским проливом. Перед Брестом непрерывно держалася со своей эскадрой Корнуэлл, силы которого, за промежуток времени с января по март, возросли с 11 до 22 кораблей. Блокада Рошфора, после ухода из него отряда Миссиеси, была снята, и блокировавший его отряд Кокрена, из 6 кораблей, ушел за ним в Вест-Индию. Ферроль блокировался эскадрой Кальдера, из 8 кораблей; Кадикс—отрядом Коллингвуда, из 6 кораблей. Наконец, Польсон располагал в Средиземном море эскадрой из 12 кораблей, к которым впоследствии, уже после начала операции, присоединилось еще 2 корабля.

По инструкции Наполеона от 2 марта, главное командование соединенным союзным флотом поручалось Гантому, которому предписывалось выйти, при первой возможности, из Бреста со всей эскадрой (21 корабль), итти сначала в Ферроль, уничтожить или отогнать блокирующую этот порт эскадру Кальдера, присоединить к себе Рошфорский отряд и соединенно, кратчайшим путем, следовать к острову Мартиника (одному из групп Антильских островов, принадлежавшему французам), где ждать в течение 35 дней соединения с эскадрами Вильннева и Миссиеси. По соединении всего союзного флота, численность которого должна была достигнуть 40 кораблей, Гантому предписывалось итти к Булони, располагая курсами так, чтобы избежать встречи с неприятелем. Император ожидал Гантома у Булони между 10 июня и 10 июля. Если, за неприбытием Вильннева, или по другим причинам, в распоряжении Гантома окажется

меньше 25 кораблей, то ему предлагалось идти в Ферроль, где ожидать подкреплений и дальнейших распоряжений Наполеона.

Той же инструкцией Вильневу предписывалось выйти, при первой возможности, из Тулона, идти к Кадикусу, присоединить к себе стоявшие там союзные корабли и далее следовать на Мартинику, где ожидать соединения с Гантоном в течение 40 дней.

Обоим главным начальникам союзного флота Наполеон рекомендовал всячески избегать боя с неприятелем,—даже при превосходстве над ним в силах. Когда, например, Гантон донес, что готов к выходу из Бреста, т. к. перед этим портом стоит всего 15 британских кораблей, которые он надеется разбить,—Наполеон отвечал ему:

— „Морская победа теперь не привела бы ни к чему. Преследуйте только одну цель—исполнить ваше назначение. Выходите из порта без боя“.

А, между тем, это был единственный случай, когда Гантон мог, с шансами на успех, выйти из Бреста на соединение с другими частями французского флота, т. к. через несколько дней после этого блокировавшая его эскадра Корнуэллса увеличила свой состав до 21 корабля.

Как напоминает эта инструкция Наполеона распоряжение главнокомандующего нашими вооруженными силами на Дальнем Востоке, во время войны с Японией, адмирала Алексеева, данное им начальнику Порт-Артурской эскадры, адмиралу Витгефту—выйти из П.-Артура во Владивосток, по возможности, избегая боя с неприятельским флотом. То же непонимание духа морской войны и природы боевых задач морской силы,—которое в обоих случаях привело к одинаковым результатам, убив решимость к бою у начальников, и без того мало решительных по своему характеру. В рассматриваемом случае—проблематичной конечной цели—масштабированию всех сил своего флота в Канале, были заранее принесены в жертву действительно представлявшиеся случаи разбить противника по частям. Задуманное Наполеоном сосредоточение своих морских сил было построено на удачном, без боя, почти одновременном, прорыве отдельными его эскадрами и отрядами блокады, поддерживаемой британскими эскадрами непрерывно, в течение полутора лет, с изумительной выдержкой и искусством. Сколько, сверх этого, совершило непредвиденных случайностей и при прорыве блокады, и во время перехода через океан, и пребывания, в ожидании сосредоточения, в Вест-Индских водах, — могло помешать отдельным частям союзного флота осуществить это сосредоточение: ветер, погода, аварии вследствие малоопытности личного состава и т. п. случаи, столь обыкновенные в морской обстановке, могли разрушить стратегическую ком-

бинацию императора,—и тем вернее, чем многочисленнее был состав его эскадр и отрядов. Прорыв отрядом Миссиеси блокады Рошфора в начале января и изолированный его поход в Вест-Индию произошел потому, что в это время Гантон не был в состоянии выйти из Бреста без боя, а Вильнев, хотя и вышел благополучно и незамеченным фрегатами Нельсона из Тулона, но, через несколько дней штормового плавания, принужден был, вследствие происшедшего на кораблях его эскадры аварий, вернуться обратно в свой порт. А, между тем, штормовая погода, в которую попала эскадра Вильнева, не была внезапной случайностью, но являлась необходимым условием успешного прорыва им британской блокады и тайного от своего энергичного и талантливого противника выхода из Средиземного моря в океан; аварии же его кораблей явились следствием малоопытности в морском деле их экипажей.

Как и в прежних своих планах, так и в последнем марсовом, Наполеон отвел большое место сохранению тайны предприятия и демонстративным действиям. Вильнев и Гантон были единственными лицами, которые получили от императора письменные инструкции, содержание которых они должны были узнать только в море, при чем им было запрещено знакомить с этими инструкциями командиров судов; испанцам план операции вовсе не был сообщен. Нельзя не отметить и это распоряжение Наполеона, как лишний раз иллюстрирующее малое понимание им морской обстановки. Шторм, туман и тому подобные случаи могли разобщить в океане корабли, входившие в состав его эскадр. Правда, что сигналами адмирал мог своевременно указать своей эскадре пункт ее сбора в Антильских водах; но опять-таки, непредвиденные случайности морской обстановки и военного времени могли вовсе разлучить адмирала с его эскадрой (например, гибель адмиральского корабля) и тогда корабли ее, собравшись на назначенному пункте, не знали бы, что делать дальше.

С целью усилить впечатление от принятых ранее демонстративных действий, Наполеон использовал свое политическое путешествие по Италии, предпринятое им для торжественного коронования в Милане, в качестве короля Италии, и приуроченное им ко времени,енному для начала операций, т. е. марта 1805 г.

Операция началась выходом, 31 марта, Вильнева из Тулона. На этот раз счастье благоприятствовало ему; Нельсон в это время находился в заливе Пальмас (на юге о. Сардиния), где корабли его эскадры пополнили свои запасы с прибывших из Англии транспортов; его сторожевые фрегаты потеряли эскадру Вильнева в первую же ночь, по ее выходе. Узнав об уходе из Тулона французской эскадры и

уверенный, что она направилась в восточную часть Средиземного моря,—Нельсон занял позицию между Сардинией и африканским берегом, рассчитывая таким образом не пропустить своего противника. Между тем, Вильнев, идя попутным ветром, 6 апреля подошел уже к Карthagене. Стоявший в ней испанский отряд, за неимением инструкций, отказался к нему присоединиться. Продолжая немедленно свой путь, Вильнев 8 апреля прошел, с тем же свежим попутным (восточным) ветром, Гибралтарский пролив, и 9 числа появился у Кадикса, где к нему присоединился отряд испанского адмирала Гравина (6 кораблей) и стоявший здесь один французский корабль. 14 мая Вильнев был уже у о. Мартиника, где однако не застал ни эскадру Гантома, ни отряд Миссиеси: первому вовсе не пришлось выйти из Бреста, тесно заблокированного сильной эскадрой Корнуэллиса, а второй его не дождался и ушел в Европу, благополучно прибыв в Рошфор 25 мая.

Только 16 апреля Нельсон узнал о выходе своего противника из Средиземного моря в Атлантический океан; на его несчастье теперь задул противный (западный) ветер, вследствие чего лишь 6 мая ему удалось добраться до Гибралтара. Узнав здесь об уходе союзной эскадры из Кадикса, Нельсон решил, что Вильнев направился непосредственно в Канал, а потому пошел со своей эскадрой на север. 9 мая, находясь у мыса Финистере, он узнает, что его противник ушел в Рест-Индию, и немедленно же поворачивает за ним. 4 июня, т.-е. через три недели после прихода союзной эскадры к о. Мартиника, Нельсон прибыл к о. Барбадос (принадлежавшего англичанам и входящего в состав той же группы Антильских островов). Таким образом, принятые Наполеоном демонстративные меры позволили Вильневу выиграть у своего талантливого противника три недели.

Потеряв надежду на скорый выход из Бреста эскадры Гантома, Наполеон снова меняет свой план. Из Рошфора посыпается в Вест-Индию адмирал Магон, с двумя кораблями; ему поручается перелать Вильневу приказание ждать Гантома еще в продолжение 36 дней, после чего идти в Ферроль; соединившись там с 15 испанскими и французскими кораблями, Вильнев должен был следовать к Бресту, с целью его деблокады. Магон прибыл в Антильские воды и присоединился к Вильневу 4 июня, т.-е. в день прибытия к о. Барбадосу Нельсона. В этот же самый день Вильнев, после трехнедельной бездеятельной стоянки у о. Мартиника, решил использовать время ожидания Гантома и, согласно имевшейся у него инструкции императора, попытаться завладеть какими-либо из принадлежавших англичанам островов; целью своего первого нападения он избрал как раз о. Барбадос, куда, как мы видели, только что подошел со

своей эскадрой Нельсон. Магон присоединился к Вильневу в то время, когда союзная эскадра направлялась от о. Мартиника к северу,—к избранному объекту операции. 8 июня Вильнев, находясь у о. Антигуа, узнает о приходе в В.-Индию Нельсона; будучи сильнее его почти вдвое, он бросает мысль о местных операциях и, избегая встречи со своим противником, решает немедленно же возвращаться в Европу. Несомненно, на это решение Вильнева повлияла, с одной стороны, прогремевшая уже в это время слава Нельсона, как наиболее способного британского адмирала, победителя при Абукире и Копенгагене; но, с другой стороны, могла сыграть роль и полученная им от императора инструкция—избегать боя для достижения конечной цели всей операции. И вот, мы второй раз видим, что из-за проблематичной конечной цели, благодаря инструкции Наполеона, теряется верный случай разбить противника по частям.

Между тем Нельсон, придя к о. Барбадосу, не теряет ни одного дня и бросается по следам своего противника. 12 июня, т.-е. всего через три дня после ухода в Европу Вильнева, он подходит к о. Антигуа и, убедившись здесь, что союзная эскадра ушла из Вест-Индии, решает немедленно же гнаться за ним. По его мнению, Вильнев направился в Средиземное море, почему он берет курс на Гибралтар, тогда как его противник на самом деле взял направление на Ферроль. Опять, вследствие ошибочного предположения Нельсона, противники разошлись. Но, одновременно со своим отплытием из В.-Индии, Нельсон послал быстроходный бриг *Cirieux* в Англию, для извещения адмиралтейства об уходе в Европу союзной эскадры и о своем решении. Этому бригу посчастливилось встретить в океане эту эскадру и определить ее курс. Форсируя парусами, бриг *Cirieux* далеко обогнал Вильнева и 7 июля прибыл в Плимут. Мы видим, таким образом, что случай, вполне однако естественный в морской обстановке, открывает англичанам тайну плана Наполеона,—что позволяет им своевременно принять соответствующие меры для встречи в европейских водах неприятельской эскадры.

9 июля из Лондона было отправлено экстренное приказание отряду, блокировавшему Рошфор (с возвращением в этот порт из В.-Индии отряда Миссиеси, британцы возобновили его блокаду) и состоявшему из пяти кораблей—присоединиться к адмиралу Кальдеру, который имел перед Ферролем 10 кораблей. Кальдеру теперь приказано идти в океан и крейсеровать в расстоянии 100 миль к западу от мыса Финистере, чтобы встретить идущую сюда союзную эскадру возможно дальше от европейских вод и, вступив с ней в сражение, постараться нанести ей такие повреждения, ко-

торые заставили бы ее после боя зайти в один из портов, расположенных к югу от Бреста.

Этим распоряжением англичане, правда, освобождали от блокады Ферроль и Рошфор; в обоих этих портах стояли готовые к выходу в море союзные корабли, числом до 21; но английское морское командование считало более выгодным дать Вильневу бой вдали от этих портов, чтобы союзная эскадра во время этого боя, не могла быть поддержанна отрядами из Ферроля и Рошфора. На самостоятельный же поход этих отрядов к Бресту или в Канал англичане не рассчитывали.

15 июля Кальдер отошел от Ферроля, а 22 числа, в туманный день, встретился с эскадрой Вильнева; между противниками произошел нерешительный бой, в котором англичане, однако, овладели двумя испанскими кораблями. У Вильнева не хватило решимости, при полуторном превосходстве в силах, хотя бы отбить у противника взятые им корабли.

28 июля Вильнев вошел в Виго, а Кальдер 29 июля снова заблокировал Ферроль. Счастье, однако, продолжало благоприятствовать союзному флоту: 1 августа, когда штурм отогнал эскадру Кальдера от Ферроля, Вильнев вошел, со своей эскадрой, в этот порт; теперь силы его увеличились до 29 кораблей. Его противник, вследствие этого, счел себя вынужденным снять блокаду порта; 14 августа он присоединился к Корнваллису, продолжавшему занимать свою позицию перед Брестом. На следующий день, сюда же подошел со своей эскадрой и Нельсон, покинувший Гибралтар через неделю после прибытия туда из В.-Индии. Как только ему стали известны сведения о направлении эскадры Вильнева, доставленные в Англию бригом *Curieux*, — Нельсон, верный своему лозунгу, — «всегда искать противника», немедленно же отплыл из Гибралтара на север, к критическому месту развивающейся операции. Оставив у Корнваллиса 11 более исправных кораблей, сам он вернулся в Англию с двумя нуждавшимися в ремонте кораблями, из которых один был его любимый флагманский корабль *Victory*. В руках Корнваллиса соцредоточился теперь флот из 35 кораблей, против 55 союзных, разбитых на три группы: 21 корабль в Бресте, 5 — в Рошфоре, 29 в Ферроле.

Несмотря на свои ошибки, благодаря ряду удачно складывавшихся обстоятельств, Вильнев, прибыв в Ферроль, как будто успешно выполнил относившуюся до него часть плана операции. В значительной степени этот результат явился следствием правильной стратегической мысли, которая, на ряду с крупными ошибками, пристекшими от непонимания природы морской войны, была заложена в план Наполеона. Избрание Антильских островов за конечный

пункт сосредоточения всех французских эскадр, заблокированных британцами в их портах, нельзя признать целесообразным, как несообразованное с природными свойствами морской обстановки. Слишком много случайностей, обычно присущих этой обстановке, должно было не произойти и, обратно, требовался ряд удач и счастливых для французов случаев, чтобы такое сосредоточение их могло осуществиться. Выбор Антильских островов, как конечного пункта стратегического маневрирования отдельных частей французского флота, не достиг и демонстративных целей,—как на это надеялся император: англичане не послали своих эскадр ни в Индию, ни в восточную часть Средиземного моря. Нельсон и Кокрен (блокировавший отряд Миссиеси в Рошфоре) погнались, правда, за своими прорвавшимися противниками в В.-Индию, но этим их движением силы британского флота не были еще разделены,—тем более, что обе британские эскадры вернулись в европейские воды раньше своих противников. Но, если посмотреть на Антильские острова, как на промежуточный пункт, из которого прорывавшаяся из Тулона эскадра Вильнева должна была идти на соединение с одной из крупных частей союзного флота, заблокированной в Ферроле или Бресте, то при такой трактовке вопроса, нельзя не признать выбор такого удаленного от этих портов исходного пункта для стратегического маневрирования Вильнева совершенно правильным. Во время блокады французских и испанских портов британский флот занимал, по отношению к заблокированным в этих портах союзным эскадрам, центральное положение, т.-е. мог соединиться в крупную силу раньше, чем это успели бы сделать его противники. Теперь же положение менялось в обратную сторону: эскадра Вильнева, гораздо более сильная, чем порознь эскадры Кальдера и Комлингвуда, могла избрать цель своего стратегического маневрирования и нападения любую из этих британских эскадр; на таком большом расстоянии, какое разделяло Антильские острова от берегов Европы, слишком было трудно с точностью определить направление движения Вильнева и время его прихода в европейские воды, чтобы британцы могли во время и в должном месте противостоять ему соответствующую силу, не снимая блокады и не обнажая этим подступов к Каналу. Вильнев получил, таким образом, возможность быть по частям силы своего противника и после этого, присоединять к себе союзные корабли, стоявшие в Ферроле и Кадиксе,—что вело к такому увеличению его сил, которое позволило бы ему с большими шансами на успех идти дальше к Бресту, для его деблокады,—чем достигалась бы конечная цель всей задуманной Наполеоном стратегической операции франко-испанского флота. Но, основным условием, которое требова-

лось для успеха такого плана и которое должен был выполнить Вильнев,—это решительность ударов, которые он должен был наносить своим противникам, чтобы действительно бить их по частям. Иначе, если он только отгонит их от заблокированных ими портов, то цель его не будет достигнута: отошедшее под натиском его превосходных сил британские эскадры сохранят за собой возможность соединиться с Корнваллисом, в руках последнего сосредоточится тогда внушительная сила, которая, оять таки, будет занимать центральное положение между силами Вильнева и Брестской эскадрой Гантома.

Мы видели, что Вильнев, превосходя силами Нельсона почти вдвое, ушел из В.-Индии, как только узнал о приходе туда своего противника; мы видели также, что он уклонился от решительного боя с эскадрой Кальдера, значительно более его слабой. В результате, обе эскадры, Нельсона и Кальдера, присоединились к Корнваллису, сохранившему свое центральное положение между силами Вильнева и Гантома. Таким образом, нерешительность французского адмирала свела к нулю благоприятные результаты, которые были достигнуты, в смысле соотношения сил, правильной мыслью, заложенной в стратегическом замысле Наполеона. Не забудем, однако, что эта нерешительность, составившая одну из основных черт характера Вильнева, была известна императору: последний должен был избрать на пост начальника, которому доверялась самая ответственная роль в его грандиозной морской операции, лицо, отвечающее по своему характеру этой роли. Не забудем также, что нерешительность Вильнева нашла для себя благоприятную почву в императорской инструкции, рекомендовавшей ему избегать боя с противником.

Прибыв в Ферроль, Вильнев получил новую инструкцию Наполеона, в которой предписывалось ему спешить к Бресту, присоединив к себе, если это представится возможным, Рошфорский отряд. Император теперь очень торопился с выполнением десантной операции, т. к. на континенте, благодаря политике и золоту Англии, уже открыто формировалась новая коалиция из Австрии, России и Швеции. Ему необходимо было, поэтому, возможно скорее поразить своего главного врага, чем вероятно могла бы растроена и вся коалиция. Вследствие этих соображений, Наполеон требовал от Вильнева срочности и решительности в исполнении оставшейся части его плана, т.-е. безотлагательно итти к Бресту, для его деблокады и соединения с эскадрой Гантома, или же, если Вильнев признает более соответствующим обстановке, направиться непосредственно в Канал и, далее к Булони. В этой инструкции Наполеон уже не рекомендует Вильневу воздерживаться от боя, но, наоборот,

предлагает ему непременно атаковать неприятеля в случае перевеса над ним в силах. Нельзя не указать и в этом случае неудовлетворительность данной Наполеоном инструкции, оять таки несогласованной с обстановкой войны на море. Корнваллис был сильнее и Вильнева, и Гантома—порознь, и занимал центральное между ними положение. Только в одном случае Вильнев смог бы, с шансами на успех, идти к Бресту на соединение с Гантомом, не боясь грозного флота Корнваллиса,—это в случае попутного ему свежего ветра; но легко представить себе всю безвыходность его положения, если бы он подошел к Бресту в то время, когда дул бы западный ветер, который не позволил бы Гантому выйти из Бреста на поддержку Вильнева, во время неизбежного боя последнего гораздо более сильным и численно, и качественно, флотом Корнваллиса. Необходимость срочного выхода Вильнева не давала ему возможности выбрать благоприятную для себя погоду; но кроме того, и это самое важное в морской обстановке—ветер мог перемениться в неблагоприятную для него сторону, и во время похода, и в момент самого подхода его к Бресту или к Каналу.

Новинуясь категорическому приказанию императора, Вильнев 13 августа вышел из Ферроля в море с 29 кораблями,—вышел, совершив не веря в успех своего предприятия; при уходе он писал морскому министру:

— Силы противника, сосредоточенные более, чем когда-либо, не оставляют мне иного ресурса, как итти в Кадикс.

14 августа задул противный ему северо-восточный ветер, вследствие чего Вильнев взял курс на северо-запад. Утром, 15 августа, в виду его эскадры показались три британских фрегата; встречное датское коммерческое судно сообщило ему, что эти фрегаты представляют собой сторожевые суда британской эскадры в 25 кораблей. В действительности это известие было неверное, т. к. Корнваллис в это время держался, со всем своим флотом, перед Брестом. Но решимость Вильнева была этим известием окончательно сломлена, и он переменил курс на Кадикс, куда и прибыл 20 августа. Блокировавший этот испанский порт малочисленный отряд Коллингвуда (8 кораблей) благородно отошел от приближавшегося ко входу в Кадикс флота Вильнева, но, по входе в порт союзников, снова приблизился к нему, поддерживая блокаду. 22 августа Коллингвуд был подкреплен 5 кораблями из Средиземного моря, а 30 августа к нему подошел отряженный Корнваллисом Кальдера, с эскадрой из 18 кораблей. Имея теперь в своем распоряжении грозную эскадру, Коллингвуд надежно занял в Кадиксе своего противника, силы которого теперь дошли до 35 кораблей.

28 сентября в командование блокирующем Вильнева флотом вступил Нельсон, прибывший из Англии на своем любимом корабле *Victory*.

Еще 23 августа, не зная о приходе Вильнева в Кадикс, Наполеон изложил Тайлерану свое окончательное решение:

— Моя эскадра отплыла 14 августа из Ферроля с 34 кораблями; неприятеля не было в виду. Если она последует моим инструкциям, соединится с Брестской эскадрой и войдет в Каир, то время еще не потеряно и я делаюсь обладателем Англии. Если же, напротив, мои адмиралы будут медлить, маневрировать плохо и не исполнять своей задачи, то я не буду иметь других ресурсов, как ждать зимы для переправы флотилии. Эта операция—рискованная; она слеплется еще более такою, если, за недостатком времени, политические события заставят меня отсрочить ее до апреля месяца. В таком случае, я поспешу на встречу наиболее угрожающей опасности: я сниму отсюда свой лагерь, и около 23 сентября у меня будет в Германии двести тысяч человек и двадцать пять тысяч в Неаполе. Я двинусь на Вену и не положу своего оружия до тех пор, пока не увижу, что нечего больше бояться Австрии.

Узнав о приходе Вильнева в Кадикс и о заблокировании его там британской эскадрой,—Наполеон пришел в состояние крайнего раздражения на своего нерешительного адмирала. Считая, что задуманная им грандиозная морская операция, которая должна была обеспечить переправу его экспедиционной армии в Англию, окончательно провалилась, император в тот же день отдал ряд распоряжений, двинувших его войска к Рейну и Верхнему Дунаю.

— Мое решение принято, писал он 26 августа Тайлерану, мое движение началось. Через три недели я буду в Германии с 200.000 человек.

7 октября почти двухсот-тысячная его армия подошла к Дунаю ниже Ульма, отрезав 80.000 армию Макка. 20 октября австрийская армия капитулировала.

Но 21 октября, вынедшив из Кадикса, под влиянием энергичных приказаний и угроз императора, Вильнев, с флотом из 33 кораблей, был на голову разбит эскадрой Нельсона (26 кораблей) в сражении при мысе Трафальгар. Только 6 испанских и 5 французских кораблей, избитых в бою, вернулись в Кадикс. Великий английский адмирал заплатил своей жизнью за эту блестящую победу, а несчастный его противник—Вильнев попал в плен к своим победителям.

С этих пор, отчаявшись в успехе широких морских операций, Наполеон обращается к другому методу борьбы с Англией: линейный свой флот он продолжает строить, но в

море его больше не посыпает; морская война ограничивается операциями французских крейсеров против английской морской торговли. Император пытается сокрушить Великобританию, ставшую теперь беспорной владычицей морей,—«с суши», подорвав ее экономическую мощь. С этой целью он настойчиво проводит свою знаменитую „континентальную блокаду“, осуществление которой в возможно более широком масштабе является одной из главных пружин его политики и стратегии. Эта политика императора приводит его к ряду больших войн с великими континентальными державами. В этих войнах постепенно растрачивается военное mightество Франции, а экономическая ее мощь подкашивается морской блокадой ее берегов британским флотом. Коалиции против Наполеона на материке создаются и направляются английской политикой и питаются английским золотом. Кроме того, Англия высаживает на материк и свою экспедиционную армию, которой суждено было нанести войскам императора первый серьезный удар на Пиренейском полуострове, и последний, решительный удар сокрушивший судьбу гениального полководца—на полях Ватерлоо.

В результате двенадцатилетней борьбы с Великобританией, потеряв престол, отчество и семью,—Наполеон ищет убежища на британском корабле, но английская нация не оценила величия его несчастья и отказалась ему в гостеприимстве, заточив его пленником, для медленного угасания, на затерянном среди океана острове Св. Елены.

Неуязвимость Великобритании, находящейся на островах и отделенной от неподоблемой армии Наполеона грозной ее морской силой, позволила ей успешно закончить грандиозную борьбу со своим гениальным противником. Эта же морская сила обеспечила Англии возможность поддерживать необходимые для ее существования экономические сношения со всем миром, а также вести активную политику на материке, создавая против Наполеона новые сильные коалиции.

Влияние морской силы на судьбы сухопутных войн никогда еще до этого в истории не сказывалось столь ярко и внушительно.

Прошло сто лет; и вновь весь цивилизованный мир был потрясен величайшей, беспримерной войной, в которой Великобритания вступила в беспрецедентную борьбу за господство на океанах с новым могучим соперником. Главным театром в этой войне были поля Европы, на которых встречались и бились в многодневных ожесточенных сражениях миллионные армии, вооруженные и снабженные всей мощью современной промышленности и техники. Но и в этой мировой войне, как и сто лет назад, морская сила оказалась могуществ-

венное и неотразимое влияние на ее исход и на судьбы участвовавших в ней народов. Обес печив себе господство на океанах, британская морская сила отрезала державы Центрального союза от морских сношений с остальным миром. В то время, пока сухопутные фронты воюющих коалиций взаимно истощались в беспримерной по своим масштабам борьбе, морская сила Великобритании медленно, но неуклонно делала свое грозное дело: подкашивала и разрушала экономическую мощь государств Срединной Европы, душила в тисках голода их народы, лишала их заводы и фабрики необходимого им сырья. Британская же морская сила приобщила к питанию вооруженных сил Антанты ресурсы и индустрию всего мира. Британская же морская сила позволила союзникам, разделенным друг от друга территориями враждебных им государств, поддерживать между собою самые тесные сношения и производить обмен ресурсами и средствами для вооруженной борьбы; она же позволила им перебрасывать на громадные расстояния вооруженные силы, высаживать их в стратегически важных участках мирового театра войны и спабжать их своевременно и в изобилии всем необходимым, через удобные морские коммуникационные пути; угроза таких десантов, с другой стороны, заставляла государства Центрального союза отвлекать часть своих сил от сухопутного фронта и приковывать их к угрожаемым приморским районам. Наконец, британская морская сила создала стратегическую обстановку, при которой мыслимо было активное вмешательство в войну, против Германии, могучей республики Соединенных Штатов Америки.

Изолированная морем, на котором неоспоримо господствовал ее флот, от непосредственных ударов могучих германских армий,—Великобритания спокойно могла ждать результатов воздействия ее морской силы на ход военных событий, сохранив, как и сто лет назад, непреклонную решимость довести борьбу с ее соперником до конца, до полного сокрушения его военной и экономической мощи. И, если в 1815 г., ее политическая ненависть была удовлетворена заточением гениального человека на о. Св. Елены, то теперь, в дни Версальского мира, чувства британской нации могли найти полное себе удовлетворение в лицезрении стройной колонны германских дредноутов, медленно дефилирующих между линиями британских судов, на рейд Скапа-Флоу, для беспримерной в истории сдачи их, без боя и сопротивления, торжествующим победителям.

Оба трагических исхода борьбы великих военных держав против могущества Великобритании, несомненно, имели глубокие причины одинакового порядка. Причины эти лежали не столько в слабости морских сил этих держав,— сколько в непонимании их вождями природы и духа морской

войны. Владение морем является первой и важнейшей стратегической целью борьбы на море. Достигается оно не демонстрациями или пассивным массированием своих сил, но боем или блокированием неприятельского флота. Чтобы уничтожить военную мощь великой островной державы, надо завладеть морем. Операции же против ее морской торговли, в какой бы форме они не производились, не сопровождаемые решительной борьбой с ее морской силой за овладение морем,—не только не приведут к успешному результату, но лишь увеличат решимость британской нации довести войну до полного уничтожения ее противника.

В. Б. Жерве.